

РЕЗОНАНСЫ

или

Размышления по поводу «Сценарной паноплии» Ю. Громыко

или (добавлено в 2024-м) Размышления «своепутиста»

Было опубликовано в интернет-альманахе «Восток», Выпуск: N 7\8
(31\32), июль-август 2005 г.

М. Сухарев

Что такое «прогресс»?

Прежде, чем начать размышление о «Сценарной паноплии», мне нужно обозначить свою позицию в этом мире. Каждый видит объект со своей уникальной точки зрения, и заблаговременное определение этой точки позволит читателю лучше понять, зачем и почему мной выстроены те или иные логические и моральные конструкции в отношении этого знаменательного произведения.

К сожалению, я забыл (и не могу теперь найти даже в интернете) автора, у которого прочитал много лет тому назад о «*глубинных идеях*». Глубинная идея – это мысль, которая лежит в фундаменте всех сложных идейных конструкций. Глубинные идеи просты, но могут разворачиваться в сложные построения. Такова, например, идея атомизма, известная со времен древних греков, а то и раньше. Выраженная очень просто, она говорит о том, что всякое вещество состоит из неких мельчайших элементов одной природы, может быть разделено на эти элементы и собрано вновь. Впоследствии, с развитием физики, идея атомов обросла тысячами подробностей, но суть ее осталась той же. Более того, она проникла в новые области – например, от нее идет идея об элементарном заряде, о квантовой природе микромира, о единице информации. К глубинным идеям относится идея счета, счетности предметов мира, связанная на еще более глубоком уровне с идеей атомизма. Глубинной является и идея долженствования, лежащая в основе любой моральной системы.

Подобного рода глубинные идеи лежат в основах всякой идейной системы, хотя и не всегда явно выражены. Они подобны аксиомам, лежащим в основе математик. Из разных наборов аксиом возникают разные математики.

К таким идеям относятся *идея лидерства и идея уникальности, особенной ценности своей личности или духа своего племени, своего народа*, того, что философы называют *самостью*. Они входят в набор базисных идей многих, хотя и не всех, цивилизаций. Если цивилизация не стремится к лидерству, то она в конечном счете отстает от других цивилизаций и тонет в пучине времени. Некоторые цивилизации, достигшие больших успехов и охватившие очень большие человеческие общности, заменяют идею лидерства идеей неизменности, идеей сохранения традиций. Идея сохранения, удержания традиции, являлась одной из базисных идей китайской цивилизации в последние тысячи лет, хотя можно сказать, что на протяжении всего XX века Китай постепенно поворачивался к идее прогресса. Очевидно, тысячи лет назад, в начальный период становления империи, там превалировала идея расширения, овладения новыми территориями и племенами, но после оформления могущественного государства начался тысячелетний период борьбы с варварами, стремящимися захватить невиданные в степях богатства китайских городов, а

также и с внутренней нестабильностью, и идея продвижения постепенно сменилась идеей удержания.

Идея самости, видимо, необходимо присуща всем племенам и народам. Ценность сохранения своей особенности даже сильнее идеи лидерства – племена пренебрегают возможностью получить некоторый материальный выигрыш ценой утраты особых черт своего характера. Подобно этому человек предпочитает остаться собой, чем даже стать «богатым и здоровым», но утратить при этом память о своей жизни. По-видимому, иначе людские общности не смогли бы сохранить в истории свою особенность и растворились бы в других племенах.

Набор таких базисных идей определяет сущность цивилизации, как набор атомов в молекуле определяет характер образующегося вещества. Соединение водорода с кислородом дает воду, а водород с хлором – соляную кислоту. Количественные соотношения глубинных идей в «рецепте» цивилизации тоже имеют важное значение – так же, как и в химии. Один атом кислорода на два атома водорода дают воду, источник жизни на Земле, два атома кислорода с двумя атомами водорода создают перекись водорода – сильнейший окислитель, опасный для всякой жизни. Как в геометрии Лобачевского, когда замена одной из аксиом приводит к построению совершенно нового здания всей науки, так и замена глубинной идеи в идейном генотипе общества, оформленного в государство, приводит к изменению всего его «фенотипа».

Идея лидерства страны была очень сильна в той цивилизации, которую пытались создать в СССР. Я думаю, она была выражена сильнее, чем в любой другой цивилизации в мировой истории (интересно, что в культуре США тоже сильнее, чем где-либо в мире, выражена идея лидерства – но лидерства личного, лидерства индивида, а не общества; лидерство государства там на втором или третьем месте после лидерства, успешности данного конкретного человека).

Самость, приниженная интернационалистскими установками марксизма, сохранялась в глубине, иногда прорываясь фразами вроде «у советских собственная гордость, на буржуев смотрим свысока». Сражаться за русскость было неудобно на фоне построения единой советской «семьи народов», биться за какую-то особую «советскую идентичность» было не очень нужно по причине ограниченности контактов населения с иностранцами и, самое главное, по причине реальной особенности всей «советской» жизни. Схемы, организация советской жизни были во многом сходны, но во многих важных моментах не похожи на схемы жизни европейских стран – взять хотя бы ставшие привычными поколениям советских людей государственные цены на товары. После перехода к рынку для них долго было странным, что одинаковый товар по-разному стоит в разных магазинах.

Но идея лидерства повсеместно насаждалась и поощрялась. Мы должны были быть первыми во всем – в вооружении, в спорте, в науке, в искусстве. В центре комплекса идей лидерства лежали идеи научного и технологического опережения, которые достались советской империи, вместе с идеями Маркса, в наследство от Европы XIX века – идеи индустриализации, механизации, прогресса, идеи Жюль Верна и Уэллса, идеи, породившие «железный век». Это комплекс представлений о человеке, как царе природы, выраженных в словах «мы не будем ждать милостей от природы», идей преобразования Земли и общества, когда казалось, что дурно созданное природой и Творцом может быть исправлено, преобразовано и улучшено человеком. Это представление о Человеке, как Демиурге, которое неизбежно вылилось в антитезу традиционным религиям. Человек в роли творца-преобразователя мира вступает в конкуренцию с Богом.

Любые идеи проверяются на прочность *практикой* – и практика XX века охотно подтверждала идеи прогресса. Паровозы, а затем тепловозы с невиданной скоростью перевозили тысячи тонн грузов, трактора заменяли десятки и сотни лошадей, самолеты пересекали океаны, радио в доли секунды доставляло новости в самые удаленные уголки мира. Представьте себе впечатление, которое производила тракторная вспашка на крестьянина, который ценой тяжелого труда делал за день в десятки раз меньше, и умножьте это впечатление на миллионы людей, переживших индустриализацию.

Конвейерное производство позволило производить сложные товары с невероятной дешевизной, так что рабочие впервые смогли покупать автомобили, которые до того производили для богачей. Миллиарды людей были переубеждены и отринуты от традиционных ценностей победоносной практикой прогресса. Это была практика, доказывающая превосходство прогресса с убедительностью атаки танкового полка против конницы. Эта общественно-историческая практика сделала преобладающим психологический тип человека, ранее составлявший сравнительно малый процент населения – Homo Progressus.

Я отношусь к послевоенному поколению, которое появилось на свет в первое десятилетие после II мировой войны. Война все еще наполняла всю атмосферу общества; причем не только война прошедшая, но и новая война, которая казалась в то время вполне возможной, почти неизбежной. Еще лежа в детских кроватях, мы слышали из включенных целыми днями репродукторов–«тарелок» о соревновании двух систем, социалистической и капиталистической, ТАСС сообщал о каждом испытании атомных бомб, об испытаниях новых бомбардировщиков и других видов оружия, которое производили США, Франция, Великобритания. Столкновение двух миров казалось почти неизбежным.

Мальчики с восторгом изучали характеристики только что появившихся реактивных истребителей и танков. Важность способности общества к быстрому развитию проникала в мозг на уровне подсознательных рефлексов. Каждому было понятно, что техническое опережение на какие-нибудь пятнадцать лет полностью изменило бы картину войны. За эти пятнадцать лет, с 1940 по 1955 появилась реактивная авиация, атомная бомба, радиолокаторы, танки нового поколения, противотанковые гранатометы. Будь все это у СССР в 1940-м... Народ, только что завершивший самую страшную в истории войну, причем страшную в значительной степени именно за счет применения новых средств истребления, был готов на большие жертвы, чтобы войти в следующую войну, имея опережающую любого противника технику.

А для этого нужно было мировое научно-техническое лидерство, которое дало бы необходимую наибольшую скорость развития. Меня же поражала несоизмеримость этих 15-20 лет форы, обеспечивающих абсолютное превосходство, с многовековыми периодами развития цивилизаций. Как бы если рост всех животных какого-либо одного вида отличался не более, чем на 1%.

Многим в то время казалось, что проблема развития решена Советским Союзом – темпы его развития значительно превышали темпы развития западных стран. Всерьез опасались темпов развития социализма и на Западе, особенно после запуска спутников и космонавтов. Но довольно скоро мы вползли в 70-е годы, когда проценты прироста заметно снизились. Кроме того, многим стало очевидно, что дело не только в тоннах стали и килограммах мяса на душу населения, а скорее в качестве изделий и производстве новых, все более сложных, продуктов.

Помимо качества «ширпотреба» почти каждый человек сталкивался с превосходством западной техники и как специалист, на своем рабочем месте. Это

касалось и промышленной аппаратуры (хотя были, конечно, области, где наша техника была лучше, но их было слишком мало), и научных приборов, и медицинской техники.

Именно поклонение прогрессу, заложенное в советских людей, как глубинная идея, бумерангом ударило по социализму. Логика была простая – если социализм не может произвести такие видеоманитофоны, автомобили, компьютеры, спектрометры и так далее – значит, надо что-то «подправить» в социализме. Но вся реальная социалистическая система (вопреки классикам) была устроена так, чтобы не допускать каких-то сомнений. Торжествовала цензура мысли, а ведь Маркс писал, что «цензура – это торжество беспринципной силы над бессильным принципом».

Чтобы понять, почему рыночная экономика является саморазвивающейся и почему имеющаяся советская система не способна к высоким темпам качественного развития, кроме как в догоняющем режиме, мне пришлось самому открыть эволюционную эпистемологию, которую уже после 1990 года я обнаружил у Карла Поппера. Я думаю, многие «советские» изобретали тогда разнообразные «велосипеды», будучи отключены от всемирной социологической и экономической литературы и лишены возможности открыто обсуждать проблемы страны.

В 70-е годы передо мной, как одним из идолопоклонников прогресса, встала совершенно конкретная задача – понять, от чего зависит скорость развития общества и экономики и что нужно сделать, чтобы СССР получил способность к саморазвитию, более сильную и универсальную, чем та, которую имеют западные страны.

Правда, путь к решению этой проблемы оказался настолько запутанным и окольным, что у меня имеются серьезные сомнения по поводу возможности заранее представить и спланировать его.

Начал я с вопроса о природе всякого развития, а точнее - эволюции. Каким образом в природе возникает *новое*? И что значит «*новое*»? Хотя в то время я заканчивал университет по специальности «физика», но начал читать книги о биологической эволюции. Литература по теории биологической эволюции дала огромный материал для размышлений. В биологии мы имеем дело с последовательностью живых существ, связанных наследованием признаков через генетические механизмы. Оттуда я почерпнул идею, что биологический вид – лишь сосуд для эволюционирующего генотипа.

Однако мы говорим и об «эволюции самолетов» «эволюции двигателей внутреннего сгорания». Но двигатели и самолеты не рождаются друг от друга! Что является «генотипом» в истории авиации?

Когда же мы вообще можем говорить об эволюции? Тогда, когда мы имеем последовательно расположенный во времени ряд объектов, сходство между которыми велико для соседних объектов, а различия тем больше, чем дальше во времени они расположены. Но это еще не все. Можно ли назвать эволюцией линию, в которой расположены похожие объекты, но не связанные генетически, скажем, геологические породы, взятые с разных планет? То есть, важно не только сходство и определенная последовательность, закономерность изменения, но и *генетическая связь* объектов. Должна быть *связь организации* этих объектов друг с другом, которая в конечном счете всегда объясняется передачей *определенности* от более ранних к более поздним, что связано с передачей информации. Определенностью же для меня всегда была *конструкция* эволюционирующей системы. Позже я обнаружил связь этой идеи с колмогоровским определением сложности системы, как длины алгоритма, описывающего сборку данной системы из элементов. Действительно, откуда может возникнуть сложный объект, такой как двигатель современного автомобиля или живое существо? Он не может

возникнуть случайным образом. Вероятность *случайного* возникновения такого, скажем, объекта, как обычная бактерия, даже в результате беспорядочных взаимодействий всех атомов во всей Вселенной за миллиарды лет ее истории исчезающе мала.

Устройство любого сложного объекта должно предварительно существовать в виде некой *идеи*, и материя, взятая в окружающей среде, должна быть организована в соответствии с этой идеей. Однако идея не существует сама по себе, это всегда *организованность материи или организованность движения материи* (что, впрочем, одно и то же), будь это генокод в молекуле ДНК или мысль в голове конструктора. Еще Аристотель писал, что *идея растения* (а идея – это описание конструкции – М.С.) заключена в семени. А в семя идея попала из родительских растений. Идея *существует* в виде организованности материальных процессов, но реализуется она в виде *движения организованности*. Мы видим, что идея живого движется в материи от родителей в будущее, овладевая и организовывая неживую материю окружающего мира. Значит, в основе любой эволюции должно быть *движение и развитие организованности в материи*.

Передача может быть прямой, как в биологии, когда описание строения тела передается к новым поколениям с генотипом, записанным в ДНК, непосредственно от организма к организму, или косвенной, опосредованной, как в случае с самолетами, когда идея (комплекс идей) передается через книги, патенты, чертежи, фотографии, в конечном счете - через конструкторов, которые изучали предшествующие модели самолетов.

Различают эволюцию вообще, в которой бывают линии регресса, примитивизации ради приспособления к тяжелым условиям внешней среды, и эволюцию прогрессивную, в которой мы имеем все более совершенные объекты. Здесь возникает вопрос – что значит «совершенные»? Более сложные? Но в технике, например, упрощение конструкции без ухудшения свойств считается прогрессом. Но, в общем и целом, конструкция технических систем со временем усложняется, так же, как и сложность высших организмов на Земле. Всякое упрощение какого-то элемента тут же компенсируется усложнением других, как, например, замена в автомобилях пружинных основ кресел литыми из пенополиуретана сопровождается установкой автоматических регулировок наклона спинки и расстояния от педалей. Существуют линии эволюции, приспособления простых организмов, таких, как насекомые, кишечно-полостные и т.п., но одновременно существует и линия прогрессивной эволюции, как назвал ее Дж. Бернал, линия, в которой возникают все более сложные животные. Можно ли сказать, что человек более приспособлен к существованию, чем сине-зеленая водоросль? Вряд ли, как нельзя сказать, что техническая эволюция ведет к вытеснению простых изделий, таких, например, как стулья. Просто на фоне простых существ и изделий появляются новые, ранее не существовавшие и все более сложные. Так вот, прогрессисты – это те, кто хочет оставаться в восходящей линии эволюции.

Мне было интуитивно ясно, что дело в наследовании и изменении *организации* материи. Причем не так важно, какими путями она передается. Тут мне в руки попали замечательные сборники «Системные исследования», которые выпускались сначала Институтом истории техники, а затем – Институтом системных исследований АН СССР. По ссылкам из этого сборника в Пушкинской библиотеке удалось прочитать «Всеобщую организационную науку» А. Богданова, которую не переиздавали в СССР с 1929 года. Чуть позже удалось прочитать «Структуру научных революций» Т. Куна, где проводятся (на первый взгляд, парадоксальные) параллели между эволюцией живых организмов и научных идей. Возникло убеждение в общности всех процессов эволюции вообще.

Помогло также более глубокое знакомство с философским идеализмом, особенно в линии Сократ - Платон – Аристотель – Гегель. Здесь я сделал первое важное открытие:

что *идея* – это именно *организация движения материи*, а *общее* возникает в результате *движения организации* в материи. Тот же Аристотель сравнивал восприятие с передачей *образа* в оттиске печати на воске – причем не передается ни атома материи. То есть, при взаимодействии материальных объектов может передаваться не только материя и энергия, но также и определенность, организованность, *идея*. В двух разных лошадях имеется общее, поскольку их *организация*, устройство их тела, пришла к ним с движением определенности от общих предков. В технической или социальной эволюции определенность движется более сложными путями, через язык, письмо, образцы, с промежуточными преобразованиями в сознании людей, но всегда движется в материи, как организация материальных объектов. Текст – это тоже организация частиц краски на бумаге, хотя смысл текста в том, каким образом организация его знаков соотносится с порядком вещей в реальности. Раскодирование текста в мысленные образы в голове человека в самом общем смысле аналогично раскодированию ДНК в белки и строение тела животного (смысл генокода не в порядке кодонов, а в организации тела живого существа, которое выстраивается в процессе роста; но при нарушении порядка кодонов не вырастет нормальное животное). В этом была сложность, вызывавшая длительные споры об отношении идеального и материального. Эти споры разрешаются просто – организованность материального нематериальна. Она может двигаться в материи, как движется волна, может передаваться от объекта к объекту, как оттиск печати. Она не связана ни с какой конкретной материей, но не может существовать без материи вообще. Организованность относится к материи так же, как движение. Двигается всегда материя, но движение – это *не материя*; организована материя, но организация – это *не материя*, она всегда может перейти от одного материального образования к другому или исчезнуть вообще.

Однако само устройство, сама суть, *идея* любой материальной вещи – это ни что иное, как *организация движения* ее материи. Даже если по видимости вещь неподвижна, ее целостность и устройство обеспечиваются постоянным организованным движением электронов, мезонов, атомов, молекул. Нарушится организация этого движения – и исчезнет вещь. *Идея* всякой вещи содержится в ней самой; она может быть изучена за счет переноса организованности в различных носителях – волновых фронтах, например, и может быть создана ее полная или частичная модель (как рисунок или статуя человека), либо же вещь может быть воспроизведена полностью – как люди воспроизводят по образцу понравившиеся лук или лодку, захваченные или купленные у другого племени.

Такая вещь, как наше тело, сохраняет идентичность, сохраняя свою организацию, организацию движения материи в нем; материя же протекает через наше тело, сменяясь многократно в течении жизни; то есть, «Я» - это не материя, а ее организация.

Биологическая эволюция идет, как известно, методом случайного поиска. Действительно, трудно ожидать от божьих коровок или даже от высокоразвитых шимпанзе, что они смогут «спроектировать» лучшее потомство, нежели они сами. Хотя даже на этом уровне есть некое подобие «проектирования» в виде полового подбора. Отбирая партнера, животное в какой-то мере сужает спектр возможных мутаций, направляет вектор поиска возможных будущих форм, путей эволюции своего вида.

Казалось бы, экономическая эволюция и, тем более, эволюция научных идей следуют иным путем, путем сознательного конструирования новых товаров, новых форм производственных организаций, новых технологий, способов организации труда, новых теорий и так далее. Но вот в чем дело – все это происходит в условиях очень сложной внешней среды. Для того, чтобы безошибочно сконструировать новую организацию

фирмы, необходимо *предвидеть*, как она будет существовать в реальном мире, то есть, предвидеть реакцию внешней среды, которая в значительной степени состоит из других фирм, не менее сложных чем она. А руководство фирмы имеет средства предвидения, даже меньшие, чем потенциал всей фирмы в целом, поскольку не может занять планированием весь персонал фирмы, оторвав его от производственного процесса. Р. Коуз назвал это «ограниченной рациональностью», имея в виду, что никто не имеет достаточной информации и достаточных возможностей по ее обработке для того, чтобы принять истинно оптимальное решение на рынке, будь это приобретение телевизора или целой компании.

Даже простое проектирование какой-нибудь новой доски для нарезки овощей не может быть совершено сегодня со стопроцентной уверенностью в рыночной оптимальности – ведь конкуренты могут завезти невероятно дешевые доски из редких пород дерева из Азии или Африки, или, наоборот, выпустить «хайтек» доски из новейшего пластика, не подверженного порезам, антисептического и моющегося без мыла в холодной воде.

В сто и тысячу раз хуже обстоит дело со сложными товарами и проектированием организаций. Специалистам известно, что на каждый успешный новый товар создается десяток моделей, которые несут создателям убытки. Где керамический двигатель для автомобиля, где знаменитые в свое время процессоры Zilog и Motorola, которые тоже пытались выйти на рынок 16-и и 32-разрядных устройств, где бытовые видеомэгафоны Betacam, где разрекламированная линия компьютеров Lisa? Почему одни конструкции остаются и заполняют рыночное пространство, как осталась система Windows, а другие исчезают, несмотря на вложенные в них огромные средства, как OS/2 фирмы IBM?

При внимательном изучении истории открытий и изобретений оказывается, что так же, как история жизни на Земле изобилует исчезнувшими видами, история науки помнит множество отвергнутых теорий, а история техники – множеством отвергнутых изобретений. Причем создавали их отнюдь не глупые люди, пользуясь логикой и всем комплексом имеющихся знаний. Например, изобретатели, работавшие в эволюционной линии дирижаблей. Применялись новые сверхлегкие и прочные материалы, негорючий гелий заменил водород, экономичные винты большого диаметра – но ничто не помогло этой линии удержаться в соревновании с линией самолетов.

Оказывается, что порождение нового в конечном счете *принципиально случайно*, по той причине, что мир в целом всегда сложнее любого «изобретателя», будь это биологическая мутация, человек или некая организация, даже целое государство. Изобретатель может продумать конструкцию так, чтобы она была работоспособной, но никакой изобретатель не в состоянии предвидеть судьбу этой конструкции в человеческом обществе, вот почему в эволюционном смысле, как порождение эволюционных линий, творчество человека столь же случайно, как творчество природы в биологической эволюции.

Эволюция – это всегда эволюция идей, конструкций систем, которые возможно создавать из материи. Только живая материя реализует свои конструкции размножением и ростом организмов, а общество искусственным преобразованием и организацией в нужные системы живой и мертвой материи. Поскольку никакая сложная конструкция не возникает на пустом месте, всегда имеется некоторая история этой конструкции, история наследования, поиска вариантов и усложнения этой конструкции, будь это устройство организма, машины или человеческой организации. Идей всегда слишком много. На

реализацию всех не хватит всей материи во Вселенной, поэтому между идеями всегда идет дарвиновское соревнование за обладание материей.

Централизованное плановое государство было «заточено» под *безошибочную эволюцию*. Планы не были рассчитаны на ошибки. Рыночное государство, напротив, подразумевает создание множества ошибочных вариантов изделий и человеческих организаций. Рынок и плюрализм, если посмотреть на них как на «машины эволюции» - это мощный фильтр ошибок. Они устраняет миллионы ошибок конструкторов и изготовителей товаров и услуг. Еще важнее то, что рынок и плюрализм устраняют неэффективные производственные, политические и прочие организации (идейно-человеко-машинные системы). В науке ошибки устраняет критика и эксперимент. При социализме народу приходилось потреблять даже самые «убыточные» изделия ширпотреба, а те, что не годились совсем никуда, списывали после многолетних мытарств в сети советской торговли. Неэффективные организации становились со временем все более неэффективными, в том числе, сам стержень советской системы – КПСС.

...Один из смыслов XX века состоял в реализации идей «царства разума», выношенных европейской культурой начиная с эпохи Возрождения. Развитие наук – физики, астрономии, географии, биологии, химии, медицины, успехи техники и промышленности убеждали, что разум способен создать любые конструкции, пользуясь логикой и исследованием природы. Но одновременно в недрах умственного, логического мира зрела критика Разума – причем не религиозная критика разума, основанная на принципе «верую, ибо абсурдно», но критика разума, сама основанная на научной логике. Один из истоков этой критики, имеющих метанаучное значение - геометрия Лобачевского. Как часть математики, она показала возможность непротиворечивой математической системы, построенной на другой системе аксиом, нежели общепринятая. Но как часть науки в целом, геометрия Лобачевского поставила вопрос об *истинности* логически непротиворечивых систем. Математика ответила на это, заявив, что не рассматривает вопрос об *истинности* математических построений в смысле некоего их соответствия объективному миру, но естественные науки не могли пойти таким путем. Они не могут объявить свои теории абстрактными замками, имеющими ценность только в силу своей красоты.

Подлила масла в огонь теорема Геделя о том, что логически полные системы не существуют вообще. В каждой логической системе существует по меньшей мере одно положение, которое невозможно доказать или опровергнуть средствами самой системы...

На протяжении всего XX века философы науки (К. Поппер, Т. Кун, И. Лакатос, П. Фейерабенд, С. Тулмин, М. Полани и др.) бились над проблемой обоснования истинности науки (Фейерабенд скорее ставил ее под сомнение), причем все их старания с каждым шагом выбивали подпорки этой обоснованности. Сначала «внешнее обоснование» научных теорий искали в *верификации* – экспериментальной проверке теоретических положений. Тщательный анализ показал, что всякий эксперимент можно интерпретировать в рамках совершенно разных, противоречащих друг другу, теорий. Например, пресловутое красное смещение, объясняемое теорией относительности, как результат расширения Вселенной, может объясняться «старением» фотонов.

Отказавшись от верификации, попытались критерием научности теории выдвинуть возможность *фальсификации* - постановки решающего эксперимента, не доказывающего, но опровергающего теорию. В конечном счете, оказалось, что всякую неудачу теории, всякий опровергающий эксперимент, можно закамуфлировать, объясняя ее посторонними воздействиями, ошибками эксперимента, а также дополнительными теоретическими

предположениями – вроде того, как отклонения от теории движения планет Птолемея объяснялись существованием эпициклов, или результаты эксперимента Майкельсона объяснялись «увлечением эфира». Оказалось, что логика способна строить логичные внутри себя конструкции, но не в состоянии определить, какая из них соответствует реальности. Разум способен сконструировать множество разных царств, но не способен определить лучшее из них. Не существует ни абсолютной верификации, ни абсолютной фальсификации.

Для меня эта «критика разума» говорила о несовершенстве социализма, даже честно созданного по ленинскому рецепту соединения власти Советов с организацией немецкой почты. Как можно организовывать общество на основании каких-то логических построений, если все они несовершенны? Не могут быть ни доказаны, ни даже опровергнуты?

Что происходит, как показал Т. Кун, когда некое теоретическое положение начинает создавать трудности при объяснении явлений? Начинают модифицировать теорию. Бывают моменты, когда такие трудности сыплются, как град. Обвешанная «усовершенствованиями» теория начинает выглядеть ужасно, причем ученые, создающие одни «усовершенствования» перестают понимать идеи других групп.

В это время возникают новые, альтернативные, теории, объясняющие происходящее исходя из новых принципов. Сторонники старых теорий пытаются опровергать новые, указывая на реальные или мнимые несообразности. Что было бы, если бы лидеры старых научных школ имели возможность запретить «проповедь» новых теорий? Мы никогда не получили бы квантовую механику, теорию относительности, термодинамику. От чего зависит эта возможность порождения и проповеди новых теорий? От лежащей вне всякой конкретной науки *социальной организации исследовательского сообщества*. Физика, химия, математика, как науки, не рассматривают влияние на себя того, как устроено само *тело* науки, того, что наука существует и действует в мозгах живых людей и коллективов. Однако кажется вполне разумным предположить, что создаваемые теории зависят от того, как воспитаны ученые и от того, как организованы их сообщества. Допустим, общество организовано так, что не допускает появления и распространения новых теорий. Прогресс остановится. Что произойдет дальше?

Уже тогда мне было ясно (то, что нашел позже у Поппера), что идея нового товара, идея новой организации общества, нового производства и даже идея новой организации тела животного (к этой мысли подтолкнула книга Поршнева «Творчество природы и человека») – это такая же *теория*, комбинация принципов и логически вытекающей из них конструкции, как и теория в науке. (Поппер пишет, что устройство глаза лягушки – это *теория* о том, что таким образом можно получать информацию из окружающего мира)

Не допускающая прогресса организация общества устраняется вместе с самим обществом, или в результате войны с прогрессирующими обществами, или в результате культурной экспансии, когда отставание становится настолько явным, что отстающие вынуждены заимствовать новые теории из чувства самосохранения.

Однако советский социализм был устроен так, что создание новых теорий в самой важной области – социальной, не допускалось в принципе. Таким образом СССР оказался в разряде обществ, конструкция которых (тоже *теория* о том, что такое общество может существовать) не допускает возникновения внутри себя новых теорий (не допускает мутаций). И которые рано или поздно падают под давлением вновь открывшихся обстоятельств.

Беда еще и в том, что отдельный человек может создать только основы новой теории. Полностью развить теорию, обосновать ее в разных приложениях, может только *сообщество*, работающее над этой теорией в рамках общей парадигмы.

В СССР существовало много исследователей, пытавшихся создать новые теории для общества. Большинство из них столкнулись с сопротивлением системы, которая выталкивала их в диссидентство. И, конечно, они не имели возможность создать *школы*, в рамках которых предлагаемые ими зачатки теорий могли бы развиваться в систему. Сотни умов мирового класса были превращены в отщепенцев – а ведь именно они могли спасти это общество, если бы оно умело их правильно использовать.

Правильно организованная система, способная к саморазвитию, должна включать подсистему *многоуровневого опосредованного отбора идей*. В такой системе существует свобода создания и проповеди новых теорий. Но существует и система отбора этих идей. Первый уровень – это уровень теоретической критики в своем сообществе, будь это ученые, инженеры или управляющие производством и обществом. Вторым уровнем – это уровень способности овладеть умами. Способность теории создавать вокруг себя сообщество сторонников, работающих над развитием этой теории (конструкции). Для этого теория должна обладать особыми свойствами – свойством комплементарности к метатеоретическим принципам членов сообщества, свойством удобства создания моделей на основе этой теории и свойством простоты ее изучения. Третий уровень – уровень практической реализации. Но часто бывает, что некая идея реализована и даже функционирует, но вытесняется другой. Это результат отбора на самом последнем уровне, который для социальной формы движения материи называется общественно-исторической практикой.

Эволюция вероятностна, и конструктор никогда не может быть уверен в своей правоте. Это значит, что своими теориями он *задает вопросы Вселенной, и получает ответы, снижающие неопределенность*. Одна из проблем состоит в том, что каждый конструктор способен создать в лучшем случае несколько теорий, причем совершенно определенных, заданных его типом личности, той культурой, которую он получил в своем развитии. Можно сказать, что сами конструкторы являются «теориями» общества, вопросами, которые оно задает природе. Такими же частными «теориями», выдвигаемыми обществом, являются конструкции организаций, подсистем, созданных из людей для решения общественных проблем.

Именно *жизнь*, самоподдерживающееся функционирование и самовоспроизводство материальных организаций, будь это организмы или общества, действующих на основании неких несовершенных теорий, конкуренция этих теорий за материю, ведет к тому, что в эволюции имеем все более совершенные теории, невзирая на невозможность абсолютной верификации.

Рынок является уровнем отбора, наиболее приближенным к отбору реальной жизнью. С рынком, пока он не монополизирован, нельзя «договориться», нельзя «уболтать» его, как можно договориться с любой проверяющей инстанцией – комиссией или министерством. На рынке производящие организации должны существовать в режиме самовоспроизводства, наиболее приближенному к физическому уровню отбора. Рынок проверяет товар миллионами разнообразных потребностей людей, в том числе таких, о которых не помышляли конструкторы. Менее явно рынок отбирает *конструкции производственных организаций*, через дешевизну, качество, инновационный потенциал товаров, произведенных ими.

«Политический рынок» отбирает политические организации, способные производить политические идеи, устраивающие в самых разнообразных отношениях наибольшую часть населения страны.

В СССР конечный отбор идей, конструкторов, организаций производился одной из организаций страны – Коммунистической партией и, главным образом, ее Политбюро. Вся страна была в итоге заинтересована в том, чтобы снизить строгость критики этого уровня отбора. Рабочие были заинтересованы в том, чтобы не строго браковали изделия, директора – чтобы в выполнении плана зачили плохие товары, организации – чтобы от них не требовали высокой эффективности. В условиях однопартийности и сама КПСС не стояла перед жестким требованием эффективности, тем более, в условиях «мирного сосуществования», полученных после создания атомного оружия. В результате строгость отбора начала катастрофически падать в то время, как в капиталистическом мире давление отбора возрастало за счет глобализации рынков.

Одним из главных двигателей рыночного прогресса является то, что предприниматель (который, по Й. Шумпетеру, комбинирует факторы производства, создавая новое), может внедрять теорию (идею нового товара или формы производственной организации) даже если никто его не поддержал на уровне теоретической критики идей. Имея капитал, он может выпустить товар или создать новое предприятие, даже если весь мир считает это безумием.

Ясно, что подобные действия возможны в условиях существования частной собственности. Но это не связано в самом деле с некой мистической природой этой собственности. Проблема состоит в том, чтобы человек мог распоряжаться каким-то объемом средств производства, мог организовывать их в соответствии со своими идеями, созданными им «теориями». Подобного эффекта можно достичь и без частной собственности, например, начисляя некие баллы успешным изобретателям или ударникам труда.

Есть еще одна сторона прогресса, отмеченная Гегелем. "... Неизмеримая масса желаний, интересов и деятельностей является орудием и средством мирового духа для того, чтобы достигнуть его цели, сделать ее сознательной и осуществить ее. ... Живые индивидуумы и народы, ища и добываясь своего, в то же время оказываются орудиями чего-то более высокого и далекого, о чем они ничего не знают и что они бессознательно исполняют..." – писал он.

Капиталист, выпуская новый товар, ищет прибыли. Ученый, создавая новую теорию, ищет признания коллег и общества. Инженер, создавая новый механизм, удовлетворяет страсть к творчеству и мечтает о вознаграждении. Но на основе новой теории будут созданы еще более новые механизмы, на основе новых механизмов – новые товары, а новые товары изменяют весь образ жизни, как изменили его автомобиль, телефон, персональный компьютер. Изменяется и развивается все общество миллионами усилий множества творцов. Но предполагал ли изобретатель телефона, что его изобретение будет использоваться для «секса по телефону»? Предполагали ли создатели (тогда еще ламповых) компьютеров, что в будущем одним из основных применений компьютера будет их использование подростками для игр? При этом каждый из них действительно «служит орудием», не представляя даже доли последствий своих инноваций.

Изобретения изменяют людей; человек, проведший детство за игрой в «Doom» и «Цивилизацию» - это совсем не такой человек, как тот, что провел детство, играя в лапту – не лучше или хуже, просто *другой*.

Какой же во всем этом смысл? Государства в своем развитии продолжают линию прогрессивной эволюции, начатой в Большом Взрыве миллиарды лет назад. Развитие нашей страны, России, тоже часть вселенского эволюционного процесса. Этот процесс ветвящийся, и никто заранее не знает, какие из ветвей дадут начало новым линиям прогрессивной эволюции. Разве могли животные знать, что именно от приматов произойдет человек?

Смысл каждой ветви в ее уникальности, в том, что может быть, именно в ней возникло некое сочетание факторов, конструкция, «теория», соответствующее строению остального мира таким образом, что сможет эффективнее других овладевать окружающей материей и вовлекать ее в свою систему.

Поэтому мы обязаны искать, с чем, с какими факторами, мы можем скомбинировать русскую культуру, чтобы вырастить из себя новую линию прогрессивной эволюции, послужить делу всей Вселенной – не копируя другие ветви, уже имеющиеся на Земле.

Прогресс, как комбинации, отклонения и запоминание

Если посмотреть на прогрессивную линию эволюции, то можно увидеть, что в основном он идет, как создание новых комбинаций уже имеющихся элементов. Иногда создается принципиально новый элемент, но он комбинируется с уже имевшимися, как первые автомобили были повозками с поставленным на них двигателем.

Даже эволюция атомов в космосе использовала этот путь. Сложные атомы – углерод, железо – не возникают непосредственно из протонов и нейтронов. Во-первых, встреча десятков нуклонов в одной точке крайне маловероятна. Во-вторых, даже если такое столкновение произойдет, выделится столько энергии, что возникшее ядро тут же распадется. Поэтому в звездах возникают сначала атомы попроще (дейтерий, гелий), и лишь затем, путем присоединения нуклонов и простых ядер – более сложные.

Биологическая эволюция получила возможность комбинаций, изобретая скрещивание. При этом гены, прошедшие отбор в одной последовательности живых существ своего вида получили возможность комбинироваться с генами другой линии.

Наибольшее развитие возможность комбинирования получила в человеческом обществе. В биологии вид не может получить полезный ген от другого вида (если не считать гипотетическую возможность межвидового транспорта генов с вирусами).

В обществе заимствуются орудия, оружие, обычаи, знания. Любой технический элемент может быть перенесен, если это целесообразно, из автомобиля в самолет или из компьютера в телевизор... Социалистические предприятия успешно заимствовали конвейер у капиталистических.

Однако не все работоспособные комбинации оказываются успешными. Так, не привились почему-то в конце 70-х годов XX века квадрафонические проигрыватели, не смотря на их усиленное продвижение производителями электроники. Но несколько позже привились системы 5+1. Неудачной оказалась и комбинация марксизма с русской государственностью.

Все удачные комбинации запоминаются и воспроизводятся до тех пор, пока не возникнет новая, еще более удачная, комбинация. Это отметил Кестлер в формуле: развитие – это запоминание удачного выбора.

Откуда берутся новые комбинации? В биологии это в значительной степени случайные комбинации генов, возникающие в результате скрещивания и мутаций.

Случайные – но не совсем; уже на этом уровне в открытом Дарвиновом половом подборе животное стремится смешать свои гены с генами наиболее сильного и красивого партнера. То есть, сужается спектр мутаций, эволюционный поиск концентрируется на одном или нескольких немногих направлениях, вместо того, чтобы расплыться по всем.

Если эволюция в биологии – это изменение организации тела животных, то на уровне общества – это изменение организации общества и его подсистем. Например, новая организация войска, или внедрение конвейера в промышленности. Введение избирательной системы и представительства. Производство двигателей или внедрение земледелия также является изменением организации общества, изменением системы связи людей друг с другом и средствами производства.

Но, в отличие от биологического уровня, модели новых комбинаций создаются сначала в сознании людей. Там же проигрываются предполагаемые сценарии поведения и деятельности новых комбинаций в жизни, во взаимодействии с другими подсистемами общества, окружающей средой и другими обществами. Здесь следует отметить, что в сложных случаях – таких, как проектирование нового крупного предприятия – модель создается в виде *распределенной когнитивной модели*, в сознании множества людей, специалистов, занимающихся разработкой частей общего проекта, и значительная часть модели хранится во внешних носителях – чертежах, текстах, таблицах, в компьютерных базах и моделях.

Проблема безошибочного проектирования состоит в соотношении сложностей. Для того, чтобы безошибочно выбрать наилучший вариант, необходимо создать точные модели всех возможных сценариев развития (а сколько их? кто знает *все возможное*?) и «прогнать» их в реальной обстановке, вычислить возможные реакции на такое свое изменение со стороны всех окружающих обществ. Поскольку окружающие общества не проще нашего, ясно, что никаких вычислительных-моделирующих ресурсов нашего общества на это не хватит. Их не хватит даже на моделирование вариантов нашего собственного развития, без учета реакции соседей – потому что все общество всегда сложнее той своей части, которая пытается его моделировать.

Что же делать? Да, безошибочная эволюция невозможна. Но возможно добиться того, чтобы *вероятность* успешного развития была максимальной, большей, чем у конкурирующих обществ. А для этого необходимо иметь наиболее развитую систему моделирования будущего, *систему предвидения*. Эта система должна состоять из множества специалистов разных профилей – социологов, политологов, технологов, экономистов, историков, медиков, физиков и химиков – всех не перечислишь – объединенных компьютерной сетью и системой групповой работы. Каждый специалист высокого класса имеет в голове уникальную модель мира, набор моделей всех объектов, относящихся к его роду деятельности. При обсуждении возможных вариантов развития он может моментально дать обоснованный ответ на вопросы в то время, как другому потребуются недели и месяцы поисков информации и ее изучения. Для того, чтобы знать, к какому человеку по какой проблеме обращаться, составляются компьютерные «карты знаний».

Конечно, для решения важнейших задач подобные коллективы создавались и создаются, но дело в том, что система взаимодействий в таком коллективе, роли отдельных людей, языки общения разных групп друг с другом, архивы информации, набор полезных математических моделей и пр. создается годами, поэтому для государственного и регионального управления необходимо иметь постоянно действующую систему такого рода. Эта система представляет собой, по сути, живой

организм, который надо «выращивать» и который быстро умирает при прекращении работы; чтобы возобновить работу, приходится его «реанимировать», что не может быть сделано очень быстро. За время промежутка часть людей уедут или не смогут работать по другим причинам, с ними будет потеряна часть общей «нейросети». Нечто в этом роде пытался создать С. Бир в Чили, но переворот Пиночета не позволил завершить эксперимент.

Чем больше и чем лучше организован такой «мозг государства», тем более изощренные модели развития сможет он предложить и тем точнее сможет предсказать возможные последствия внедрения тех или иных вариантов.

Прогресс и сложность

Можно ли определить некое направление, в котором идет прогрессивная эволюция? Наблюдая общую линию космической эволюции, от элементарных частиц к все более сложным атомам, от них к молекулам и минералам, параллельную линию эволюции звезд и возникших в звездной эволюции планет, последующее развитие жизни и общества, трудно найти что-то общее между всеми этими процессами, за исключением постоянного роста сложности вновь возникающих систем.

Атомная эволюция, где от атома водорода с одним протоном и одним электроном природа доходит до урана с 238 нуклонами в ядре. Молекулярная эволюция, от молекулы воды до органических молекул, соединяющих десятки тысяч атомов.

Возникает впечатление что, каждый раз, дойдя до пределов устойчивости данного вида материальных систем, природа упорно продолжает надстраивать этажи сложности уже на более высоком интегративном уровне. После урана атомы становятся нестабильны – рост сложности продолжается на молекулярном уровне, за счет объединения атомов. Достигается предел размера молекул – возникают живые клетки. Из клеток образуются многоклеточные организмы, и, наконец, из организмов – общество.

Если посмотреть на эволюцию общества, легко заметить огромный рост сложности в пределах социальной формы движения материи. От примитивных племен, где почти не было разделения труда, которые вполне могли существовать в своем качестве при количестве членов в несколько сотен человек, общество пришло к государствам, насчитывающим сотни миллионов граждан, экономика которых не может не потерять своего качества, не сможет производить сотни тысяч типов разных изделий, при меньшей численности людей в системе.

Пример Евросоюза показывает нам, что экономика государства в тридцать-пятьдесят миллионов человек уже не может быть самодостаточной, и им приходится создавать надгосударственные объединения с общим рынком и валютой.

Причем процесс этот ускоряется, и в течении XXI века приведет, вероятно, к необходимости создания надгосударственных систем в полтора-два миллиарда человек.

Этот фактор необходимо учитывать, строя долгосрочные сценарии развития для России.

Цивилизационный кризис в России

СССР был попыткой построить новую цивилизацию, отличную и от традиционных монархических государств Запада, и от выросшей на их развалинах новой рыночно-плюралистической ветви. Главным отличием этой цивилизации было отрицание

рыночной экономики и политического плюрализма. Рынок и плюрализм – это фундаментальные принципы, проникающие всю жизнь современных западных обществ. Помимо экономико-технологической основы, современная западная цивилизация отличается от своего феодального истока новым типом управления, принятия решений в обществе. Феодализм – это в основе своей военное общество. Государство организуется, как система обороны от других государств и племен. Налоги, собираемые с населения, идут в основном на содержание армии и строительство оборонных сооружений. Военачальники получают доход с определенных территорий (становясь, таким образом, территориальными управленцами) и только «по совместительству» занимаются организацией на них хозяйственной деятельности, поскольку первой и главной их обязанностью является в случае необходимости явиться в войско с вооруженным отрядом определенной численности. Государь не спрашивает с них за организацию хозяйства, но спросит, если условленное количество воинов не будет предоставлено.

Поскольку важнейшей функцией такого государства была военная, а не хозяйственная, то и организация его воспроизводила военную организацию, то есть, единоначалие, оформленное, как монархия.

По мере социального развития внутри феодального общества выросли независимые производители; поскольку земля была закреплена за феодальными функционерами, то независимое хозяйство развилось в областях, не связанных с землей – в торговле и промышленности. По мере роста удельного веса промышленного производства в экономике тип общественных отношений, связанный с ним, стал приходить в противоречие с феодальным единоначалием. Какие-то особенности западноевропейского общества привели к тому, что на протяжении XVII-XIX веков европейские государства были преобразованы в форму, позволяющую независимую хозяйственную деятельность множества субъектов, не подверженную централизованному управлению. Политическим обеспечением этой хозяйственной системы был плюрализм и представительные органы власти.

Аналогичный переворот назревал и в России, но здесь был найден другой путь – промышленное производство и торговля, нарушающие своей автономностью общее пирамидальное строение государства, были *включены* в систему централизованного управления. Возможно, определенные основы такой системы заложил еще Петр I со своими государственными заводами. Возник новый тип общества, сочетающий монархический (единовластный) тип организации государства с развитой промышленностью и государственной торговлей (скорее, распределением, чем торговлей). Глубинная идея пирамидального мироустройства, владеющая умами абсолютного большинства населения Российской империи, была истинной основой этого государства, а вовсе не социалистические идеи, оставшиеся на уровне словесного камуфляжа новой монархии. И. Сталин уловил и великолепно использовал монархическую ментальность населения страны.

Такой тип государства был идеальным для догоняющего развития. Другие страны уже ясно показали, что следует делать – проводить электрификацию, индустриализацию, укрупнение сельского хозяйства и так далее. «Передовой опыт» тщательно изучался, централизованно разрабатывались отечественные образцы, строились огромные заводы, и машины производились в массовых количествах по минимальным ценам.

Проблемы стали возникать, когда отставание СССР от наиболее развитых стран стало минимальным. Что следует копировать – персональные компьютеры или мэйнфреймы с терминалами? DEC или Watanabe? Сеять ли рапс? Строить ли заводы для

производства стекловолоконного кабеля? Нужны ли нам грузовые тягачи для междугородних перевозок или мы обойдемся железной дорогой?

Если при отставании в тридцать лет эти вопросы уже решены жизнью (вроде вопроса – самолеты или дирижабли?), то при отставании в десять лет догоняющая страна сталкивается с десятками одновременно существующих альтернатив, и никто не знает на данный момент, какая линия победит.

И такие вопросы возникали тысячами, во всех областях сложнейшего современного хозяйства, «забывая» информационные каналы централизованного руководства, перегружая его способность принимать решения.

Вторая проблема – это отсутствие конкуренции. В отсутствие конкуренции можно было годами производить неработоспособные изделия, типа «Электроники ДЗ-28». Без давления конкуренции качество изделий постепенно падало, поскольку падали сами критерии качества. Достаточно вспомнить, что кошмарные дискеты фирмы «ИЗОТ» считались хорошими на фоне советских... Еще хуже то, что одновременно шло вырождение самих производственных организаций. Избавленные от прессинга конкурентов, предприятия раздували штаты, создавали неэффективные подразделения, выпускали не имеющие покупателя товары.

Третья проблема – это низкая инновационная мощь централизованной промышленности. Всякая новая идея требовала согласования на очень высоких уровнях – главк, министерство, а то и отдел ЦК. Изобретатели персонального компьютера Возняк и Джобс, живи они в СССР, годами шлялись бы по коридорам власти со своим макетом. Интернет, будь он создан в СССР, на сто лет остался бы засекреченной военной сетью.

Система требовала децентрализации, но именно децентрализации она и боялась больше всего на свете. Децентрализация требует определенной принципиальной основы. При капитализме эта основа – частная собственность. Она дает возможность собственнику принимать решения, играющие среди прочих и эволюционную роль. *Собственник имеет право создавать новое* – будь это товар или способ производства.

В случае общенародной собственности необходимо было придумать механизмы структурирования этой собственности, хотя бы через какие-то местные производственные советы или нечто подобное. Конечно, внедрение подобных структур создавало бы риск экономической нестабильности, требовало бы масштабных обсуждений и экспериментов.

Всего этого престарелое руководство КПСС не могло допустить. Система начала давать сбои и давала их многие годы.

Тем временем поступающие из-за рубежа итальянские сапоги, японские видеомагнитофоны и французская косметика убедили большинство населения СССР в преимуществах рыночного общества. Зонтики «Три слона» оказались сильнее коммунистической идеологии, и СССР распался. «Теория» социалистического государства потерпела крах на уровне здравого смысла, который всегда был и будет метатеоретическим уровнем отбора всех и всяческих теорий. Ядро советской империи, Россия, сохранилась, но лишилась всякой общей идеологии. Идея лидерства была потеряна, распалась в прах под ударами кризисов, утонула в растерянности общества. Политика государственного вмешательства в экономическое развитие была всячески осмеяна. Социальная политика была сведена к социальной защите в самом урезанном варианте, проблемы социального развития практически перестали обсуждаться.

Стало казаться, что место России в третьем эшелоне стран глобализированной мировой экономики, и никаких шансов на лидерство у нее уже не осталось. В полной мере возникла проблема сохранения самости. Раньше особенность русско-советской

цивилизации гарантировалась ее совершенно особым путем в мире, после 90-х годов XX века перед страной встал наряду с другими и этот вопрос – пусть даже Россия когда-то и добьется лидирующих позиций, освоив рынок и плюрализм, но чем тогда она будет выделяться среди других стран, или же растворится в глобальном экономическом море?

Но оказалось, что не все согласны на то, чтобы Россия была на третьих ролях в мире или даже стала одной из многих стран золотого миллиарда. В самом конце XX – начале XXI века в России возникли несколько течений и довольно обширная литература, возрождающие идею мирового лидерства на своем особом пути. «Сценарная панолия» Ю. Громько, несомненно, относится к ярким образцам литературы «штурма и натиска» или, может быть, литературы «оборонного сознания», как это определено в самой книге. Вопрос момента – имеют ли «прорывные» настроения какой-то шанс овладеть умами большинства жителей России? Или же уставшее население выбирает пепси и жвачку?

И еще один вопрос, может быть еще более важный – как обгонять, как прорываться – по дорожке, уже указанной нам странами «золотого миллиарда», или же опять и снова по своей, особой тропе? Ясно, что это продолжение старинного спора между западниками и славянофилами, спора, который, принимая самые неожиданные формы, тянется со времен выбора между римским католичеством и константинопольским православием. Против своей воли коммунисты прокопали еще 70 лет туннеля, ведущего Россию по своему особому, незападному, пути.

Подход честных западников можно вкратце описать так – не нужно нам изобретать свой особый велосипед, что всегда в конечном счете выполняется потом и кровью народа, а нужно просто внедрить в России уклад жизни, изобретенный на Западе, и будет всем счастье. Начнут развиваться сами собой предприятия, построятся дороги и дураков прозревший народ поставит на свое место.

Славянофилы (правильнее назвать их «особопутистами», потому что выбор особого пути для них на самом деле важнее славянства) считают, что:

а) Не сработает западный уклад на нашем народе.

б) А, если даже и сработает, то не будет ли это тоже самое, что заменить русский народ на другой, заселить русские пространства немцами или французами? Что, потеряв свою особость, народ потеряет и душу свою, не выполнит замысел Бога в отношении русского народа.

«Сценарная панолия» явно относится к документам *особого пути*. Я бы даже сказал, она относится к совершенно новому для литературы особопутизма жанру – *методологии особопутизма, методологии построения особых путей*. Если старые особопутисты изучали историю особого пути России, если коммунисты строили особый путь России, не осознавая, что делают, считая, что они просто продвинулись вперед других наций на общей для всех социально-экономической траектории, то Ю. Громько специально строит методологию проектирования особого русского пути, который еще в сценарии должна победить все другие проекты.

И это очень важный момент. Дело в том, что если поделить население России в проектном отношении, то обнаружим три большие категории. Одна часть не имеет никакого проекта, не имеет даже никакого отношения к чужим проектам. Эта часть занята краткосрочным планированием для семьи и ближайшего окружения. Вторая большая часть – это западники, которые ждут, когда начнут работать, подгоняемые глобализацией и интеграцией России в мировой рынок, заимствованные с Запада институты рынка и демократии. И третья часть – это «особопутисты». Да, это большая группа населения, но, в отличие от западников, у которых есть четкий проект, эта группа представлена

десятками разнообразных проектов, имеющих только одно общее – лишь бы не так, как «у них». Тут и монархисты, и коммунисты, и евразийцы – нужен особый анализ. И, если приглядеться внимательнее, многие из них попали в ту или иную «тусовку» довольно случайно – за неимением чего-то более подходящего.

Так вот, третий путь в России в настоящее время не имеет шансов до тех пор, пока из этого многообразия проектов не выделится тот, который сможет привлечь большую часть особопутистов, тот, который уже на сценарном этапе будет облачен в паноплию, полное – философское, социальное, экономическое, технологическое вооружение война, даже не война, а войска умственных битв.

А для этого нужно создать эту мысленную рать, рать разных умов – как в войске есть копейщики, всадники, лучники, строители боевых машин – которая способна создать весторонний проект особого пути России.

СОБСТВЕННО РЕЗОНАНСЫ

или какие мысли возникли у меня при чтении «Сценарной паноплии»

Далее я буду цитировать особенно обратившие на себя внимание отрывки из «Сценарной паноплии» Ю. Громько, сопровождая их своими комментариями. Отрывки выделены курсивом. Для облегчения ориентации сохранены названия параграфов текста книги.

§ 1. Что такое сценарная паноплия?

Отслеживая процессы формирования оборонного сознания, которые сейчас идут в России, мы основываемся на том, что именно для оборонного сознания важнее вести борьбу на территории противника, а не на своей собственной. Поэтому все идеи закрыться, затвориться, враски в поля и границы России, нам представляются неверными и проигрышными шагами. Битва за Россию сегодня выигрывается на международных плацдармах переструктуризации мирового целого...

Добавлю два аргумента к этому положению. Первое, это мирсистемы, о которых пишет Валлерстайн¹. Представление о политике, как движении мирсистем – это взгляд на социальный мир, как на группу взаимодействующих целостных, холических самовоспроизводящихся систем, взятых в своем историческом развитии, как временной срез четырехмерного леса, стволы которого уходят в глубины прошлого планеты. Хотя на первый взгляд, может показаться, что всякое государство является такой системой, это не так. Валлерстайн прибегает к известному в теории систем приему – предположим, что мы изолируем данную систему от остальных. Сразу окажется, что даже такие государства, как Германия, не говоря о Польше и еще меньших государствах, не могут существовать в изоляции без резкого падения уровня цивилизации. Поэтому он считал мирсистемой Западную Европу вместе с Соединенными Штатами целиком. Однако Советский Союз вместе со странами социалистического лагеря он не включил в эту мирсистему, и справедливо, поскольку даже полностью изолированный от Западного мира, СССР

¹ Кое-где я позволю себе забежать вперед Валлерстайна, используя его метод.

продолжил бы существование без резких изменений своих параметров. Все важные изделия производились в рамках социалистической системы, и лишь очень небольшой процент товаров закупался в капиталистических странах. Все было рассчитано так, чтобы в случае войны и прекращения снабжения с Запада социалистическая экономика продолжала функционировать.

Ряд параметров позволяет оценить объем мирсистемы. В первую очередь, это количество входящих в ее людей. От сотен (племя каменного века) до многих сотен миллионов (настоящее время). Во-вторых, это количество профессий. Даже миллиард человек, занятых одним трудом, дают близкий к нулю объем мирсистемы. В-третьих, количество типов производимой продукции. В-четвертых, количество вырабатываемой в год новой информации. Наконец, количество вырабатываемой энергии и перерабатываемого, вовлекаемого в тело мирсистемы, вещества. В настоящее время все эти цифры колоссальны. Уровень цивилизации прямо пропорционален объему мирсистемы, определяемому этими параметрами.

Но мирсистемы не всегда имели такой колоссальный размер, в истории человечества было время, когда всякое племя числом в несколько сотен или тысяч человек, затерянное в джунглях или степи, само себе было мирсистемой.

В то же время, необходимый человеческий объем мирсистем очень быстро рос именно в XX веке. А Россия потеряла страны социалистического блока и быстро теряет бывшие республики СССР. В настоящее время изоляция, автаркия приведет к немедленному падению уровня цивилизации в России, лишит всякой надежды на возрождение.

Оборотной стороной открытости, использования всемирных технологий, финансов, связей, является вращение России в – не скажу «чуждую», не такая она и чуждая, что видно по легкости, с которой русские овладевают ей – но в уже существующую мирсистему, в которой все ведущие места уже заняты. И тут следует сказать, что в концепции Валлерстайна не учтен важный момент. Цивилизация (или мирсистема) больше похожа на машину, чем на организм. Идеи многих ее элементов существуют относительно независимо, могут быть извлечены, и встроены в другую машину, как двигатель трактора может быть установлен в передвижную электростанцию или компрессор. Так физика была извлечена японцами и китайцами из западного общества и встроена в восточное. Мирсистема движется слоями, слоем науки, слоем литературы, слоем институтов права, проникая в соседние общества, при этом каждый раз возникают новые комбинации слоев, изменяющие саму движущуюся мирсистему. При этом часто перемещается сам центр мирсистемы, как переместился он из Италии во Францию и Великобританию в период с пятого по пятнадцатый век нашей эры.

Это один из возможных путей нашего лидерства – войти в западную мирсистему, но при этом изменить ее, переместив ее центр на наши просторы, изменить ее суть, как всегда изменяла ее Россия, приняв и переделав промышленную цивилизацию, приняв и преобразовав марксизм.

Вторая причина, почему нельзя замыкаться – это истина, сформулированная Гегелем, а именно, что развитие есть тогда, когда противоположность снимается в высшем, а вовсе не тогда, когда противоположность уничтожается, и тем более, не тогда, когда одна противоположность прячется от другой в нору.

Россия пошла этим путем, когда закрыла свою экономику от мировой с помощью монополии внешней торговли. И что в результате? Получили предприятия, которые оказались не способны к конкуренции после снятия занавеса.

Закрыли от конкуренции и свою идеологию с помощью цензуры, глушителей и ограничения въезда и выезда. И что получили? Идеологию, которая пала за считанные месяцы. Вред запрещения открытой борьбы идеологий и товаров мог еще понять Ленин, но он умер в самом начале революционных преобразований; мог понять А. Богданов, но он не обладал нужным авторитетом и способностями к политической интриге. Больше никто среди авторитетных большевиков послереволюционного времени (как и отмечал сам Ленин) не мог понять Гегеля во всем объеме и оценить важность открытой борьбы идей. Война идей пошла по пути запретов и уничтожения, причем вместе с их носителями; началось с «философского парохода», когда целый букет идей выслали в эмиграцию, и закончили лагерями и психушками.

После Ленина высшую власть получил И. Сталин, который был скорее последователь Макиавелли, нежели марксист. Так Россия пошла по восточному пути изоляции, что постепенно не могло не вылиться в цивилизационную инволюцию. Монархическая система, восстановленная Сталиным, может быть эффективна при одном условии – чтобы монархами становились исключительно гениальные лидеры. Но системы отбора гениальных руководителей система не содержала; скорее, она отбирала гениальных приспособленцев.

При этом присутствие в мировом целом предполагает, что может быть выстроена и предложена определённая стратегия развития мирового целого с позиций России. Эта стратегия может быть изложена в виде определённого сценария, который существует наряду с другими сценариями, и наряду и вместе с ними он и должен восприниматься.

Если представить себе историю в виде четырехмерной структуры, одну из осей которой составляет время, то она не заканчивается на текущем моменте. Все, что есть в социальном мире – от каменного топора до парламента – сначала было придумано, и лишь затем воплощено. Проекты, сценарии, схемы будущего все время существуют в обществе наряду с реальным. Просто развитие организованности общества до настоящего момента однолинейно, а дальнейшее ветвится на множество вариантов. И, раньше чем начнется соревнование реальных систем, идет соревнование проектов. Многие битвы завершаются на этом уровне отбора, поэтому сценарий развития страны или цивилизации и сам по себе оружие, и должен быть снабжен средствами идеальной, умственной, когнитивной защиты и нападения.

Идеи становятся силой, овладевая массами, это так, но дело в том, что не всякие идеи способны овладеть массами. Помимо того, что массы в разной степени восприимчивы к разным идеям, так им еще и предлагается на выбор одновременно множество разных идей. Конечно, всякий отдельный человек из массы мало компетентен, но все вместе они способны оценить сценарий под миллионом разных углов зрения, в чем и заключается когнитивная ценность демократии, вычислительная и моделирующая мощь общества. Следует добавить, что для оценки важных проектов самоорганизуются достаточно мощные экспертные группировки, которые транслируют смыслы проектов более широким массам.

Поэтому есть два варианта идейной работы с массами:

- скармливать им свою одну-единственную идею, запрещая трансляцию других;

- создавать сценарий в «полном вооружении», способный в открытом соревновании с другими проектами защититься от нападений и доказать свое превосходство.

Первый вариант на сегодня, к счастью, отпадает. Почему «к счастью»? Да потому, что он вел к тому, что на арене победителем оставался кривоногий рахитичный сценарий, за неимением конкурентов. После снятия барьеров на арену вышли другие гладиаторы...

Данную книгу мы называем сценарной паноплией – поскольку именно с создаваемыми и вводимыми сценариями мы связываем идею мыслительного сверхоружия, или всеоружия.

Необходимо сначала выигрывать в проекте, сделать так, чтобы победил наш проект; но победа проекта, принятого к исполнению миром или большей его частью, означает собственно победу, победу до реальной схватки, потому что другие проекты не будут исполняться. Это говорит также о том, что наш сценарий должен быть притягателен и для остального мира или его большинства, а следовательно – быть разработан в рамках игры с ненулевой суммой.

Здесь нужно сказать несколько слов о движении идей в социальной материи, то есть, в том континууме связей и взаимодействий, который представляет собой человеческое общество. Идеи становятся силой, овладевая массами. Но вот в чем вопрос: почему одни идеи лучше овладевают этими массами, чем другие? В этом пытается разобраться недавно созданная наука – меметика. Мыслительное сверхоружие и означает умение создавать такие сценарии, которые овладевают массами быстрее всех прочих. Но не только овладевают, как какой-нибудь анекдот, но и организуют эти массы.

Общественное сознание – это не сумма, но синтез отдельных сознаний. Сложная подвижная система, созданная из них. Потому что каждое сознание индивидуально, и потому что каждое сознание играет свою роль в направлении жизни общества, даже если это сознание рядового работника. Даже исполняя одинаковое дело, например, управляя грузовиком, человек исполняет его в своем уникальном месте, нельзя поручить вести два грузовика одному человеку.

Поэтому, чтобы овладеть массой, сценарий должен уметь овладеть многообразными индивидуальными сознаниями. К каждому из них повернуться такой своей привлекательной стороной, которая зацепит именно это сознание. И увлечь сознание так сильно, чтобы этот человек стал пропагандистом сценария, агитировал за него окружающих, обеспечивая его горизонтальное распространение.

Кроме того, в обществе всегда имеется множество альтернативных сценариев будущего, которые имеют своих сторонников. Поэтому сценарий особого пути будет иметь множество критиков, которые будут атаковать с самых разных сторон.

И то, и другое говорит об одном – сценарий должен быть проработан с разных сторон, в разных отношениях, причем проработки должны быть соотнесены друг с другом, а не делаться независимо, что возможно осуществить, только объединив вокруг исходного черновика достаточно большую группу энтузиастов, работающих в тесном контакте. В наше время для ускорения работы нужно использовать Интернет и средства коллективной работы (groupware). Важно использовать многообразную предварительную критику проекта, которую могут обеспечить тысячи добровольных «бета-тестеров» (как при разработке программ) на сайте проекта.

стягивание-стаскивание основных действующих субъектов в общую для них ситуацию, в которой им придётся переопределять уже поставленные цели, а поэтому анализировать цели других участников ситуации является основным нервом сценарного подхода.

Это возможно в случае колоссального умственного превосходства группы «модераторов», ведущих сценарную игру. Поэтому создание «мегамашины коллективного интеллекта» является необходимым условием сценарной панолии. Одним из возможных подходов к созданию такой мегамашины является *нейросоц*, система коллективного принятия общественно значимых решений, разрабатываемая группой И. Бощенко.

в России, кроме патриотов, нет никаких других групп, которые бы чётко осознавали необходимость, последовательного протраивания задач и функций государства, обеспечивающих масштабное социокультурное действие, объединяющее все группы населения для созидательных задач.

Действительно, только задача исторического сохранения и развития России, как особого цивилизационного направления, является мегапроектом. Цели и задачи всех остальных групп являются локальными в пространстве и времени, даже цели стремящихся уничтожить Россию. В том числе цели тех, кто хотел бы вхождения России в круг западной цивилизации – к чему она проделала большой путь, начиная с 1990-го года, приняв рынок, плюрализм, свободу слова и организаций. Этот план локальный и покрывает переходный период, он не ставит перед собой космических задач, не ставит глобальных целей. В двух словах этот план (как считают его сторонники) состоит в переходе от «ненормального» к «нормальному» обществу – и все. Но его сторонники не учитывают, что наложение западной парадигмы на российскую матрицу создает новую масштабную комбинацию, которая имеет большие шансы стать мегапроектом независимо от замыслов зачинателей и сторонников. В становлении англо-саксонского общества значительную роль сыграло то, что оно восприняло многое от Римской империи, будучи когда-то ее окраиной. Но очень многое там не похоже на Рим. Но полное развитие этот тип общества получил на просторах Америки. Всякая цивилизация изменяется, продвигаясь в человеческом материале, и часто эти изменения имеют качественный характер, порождая зародыши новых цивилизаций.

В том, что касается России, истинный патриотизм непременно должен включать два упомянутых в начале принципа – достижение мирового лидерства при сохранении самости русской цивилизации. Оба этих принципа ярко проявляются в книге Ю. Громыко.

Единая Европа, способная осуществлять трансферт новых технологий и институтов в страны Азии при непосредственном участии России, связывающей Европу с Центральной и Юго-Восточной Азией, – вот та формула, которая может быть выдвинута в качестве альтернативы перманентной войны на континенте.

Единая Европа прекрасно осуществляет трансферт технологий в Азию без всякого участия России, вот в чем проблема. Сименс и Телефункен всю производят в Китае. У нас нет роли в этой пьесе – по крайней мере, в том ключе, в котором мы сейчас играем. Представление о том, что Россия необходима, как посредник между Востоком и Западом в силу своего географического положения, в силу того, что «ее не объедешь», устарело

навсегда. Нас «объезжают» суда-контейнеровозы, спутниковая и оптоволоконная связь, самолеты. Нужно искать другие роли, в частности роль более дешевого и качественного транспортного пути – за счет развития железных дорог с широкой колеей и высокими скоростями, 200-300 км./час, еще лучше – поездов, идущих в вакуумированном тоннеле или трубе, со скоростью до 5000 км. час. Создав такие средства транспорта, сопряженные с нашей уникальной территорией, мы действительно можем стать пространством, соединяющим, а не разъединяющим Запад и Восток, и роль России в мире будет ничем не заменима.

Есть еще одна интересная роль – занять место «евразийского университета», который может обеспечить обучение миллионов студентов из Азии, по ценам, которые в несколько раз ниже западных. В каком-то смысле этот проект подобен похищению массового производства странами третьего мира у стран Запада, совершенном в XX веке – начать с очень дешевого и несколько менее качественного образования, чем то, что может предложить Запад, и прийти к уровню абсолютного конкурентного превосходства.

Самый интересный проект, который мы можем предложить Евразии – это площадка для социальных экспериментов, монтажа комбинированных евроазиатских культур с постиндустриальными технологиями, причем должны быть созданы одновременно несколько площадок для того, чтобы можно было сравнить успешность нескольких принципов организации сообществ в реальной жизни, а не теоретически. Территория, сырье и культура – это единственное, что мы имеем в избытке; людей, капиталов и современных производственных мощностей катастрофически не хватает.

На наших просторах могут соединиться «лишние» люди Азии с европейскими капиталами и технологиями и российским сырьем. А главное, с «жизненным пространством». Но главное наше условие – объединение должно происходить на основе русской культуры; только в этом случае оно представляет интерес для развития нашей цивилизации.

Речь идёт о формировании общественной культуры взаимодействия и понимания. О том, что О.И. Генисаретский называет цивилизационной синергией. Формирование взаимопонимания на уровне выявления и взаимного предъявления духовных принципов цивилизационного общения не является очередным вариантом возведения Вавилонской башни, а скорее повторением русскими подвига Пятидесятницы, когда на апостолах почил Дух святой, наделив их даром знания и владения множества языков, которых они до этого не знали и которыми не владели.

Возможна ли декомпозиция культур вплоть до индоевропейских корней и пересборка из полученных элементов (идея заимствована у В. Найшуля) новой интегральной культуры, весьма устраивающей азиатские страны и Россию, и одновременно приемлемые для Европы? Для этого необходимо в каждой культуре опуститься до комплекса «глубинных идей», что требует работы культурологов-инсайдеров данной культуры, и одновременно их совместной работы, обеспеченной взаимопониманием на еще более общем уровне и языком метакультурного диалога.

Как бы глубоко не удалось погрузиться в структуру культур теоретически, все полученные выводы останутся предположениями до тех пор, пока не будут проверены в социальных экспериментах.

Необходим сценарий формирования международного патриотического молодёжного движения, которое на основе принципов учения о ноосфере русского академика В.И. Вернадского и гениального русского учёного Побиска Кузнецова готово программировать освоение культурных, духовных и материальных ценностей Евразии и всей планеты в целом.

Я думаю, надо взять шире – философская мысль, прилегающая к русскому космизму. То есть, плюс к Вернадскому и Кузнецову еще К. Циолковский, С.Федоров, Д. Андреев, А. Богданов, Вл.Соловьев – список можно продолжить.

транспортные коридоры, связывающие Европу (Роттердам, Лондон, Париж, Берлин) с Китаем и Японией через российский Транссиб и северный морской путь, и через КВЖД с обеими Кореями, специально создаваемой южной веткой через Россию и Иран с Индией. ...На основе этих транспортных коридоров создаются коридоры развития, представляющие собой сети научных академических городков, между которыми циркулируют знания и новые технологии. ...На основе коридоров развития должен быть разработан специальный сценарий переосвоения пространств крайнего Севера, пустынь, океанского дна. Основу подобного сценария, связанного с возвращением к советской программе освоения Севера, составляет методология проектирования систем жизнеобеспечения, первоначально разработанная Побиском Кузнецовым для создания комфортных форм жизнедеятельности при осуществлении космических полётов. ...Но собственно это третье проектное представление является подготовкой к четвёртому, связанному с освоением космического пространства и созданием условий жизни в открытом космосе. Этот четвёртый сценарий, основанный на космическом императиве развития человечества, сформулированном Эрике Крафтом, и завершает программу освоения Евразии.

Этот комплекс идей представляет как одну из сильнейших точек книги Юрия Громыко, так и наиболее подверженную критике. Он полностью противоположен комплексу идей, обозначенному книгой А. Паршева «Почему Россия не Америка?» Согласно Паршеву, в силу ряда природных условий – расстояния, холод, почва – всякое производство в России неизбежно дороже производства во многих других странах, почему она не может на равных участвовать в глобализированных рынках. Вывод – необходима изоляция, в крайнем проявлении – монополия внешней торговли. С этих позиций, «коридоры развития» на крайнем севере – это нонсенс.

Но с позиций Арнольда Тойнби условия Заполярья – это сильнейший цивилизационный вызов, на который должен быть дан адекватный ответ. Если следовать «логике» Паршева, то наиболее развитая экономика должна была бы существовать где-нибудь в Океании или Индонезии. Там, где можно круглый год ходить без одежды. Однако этого не наблюдается – должно быть, людям там было хорошо и без цивилизации. Можно даже заметить, что в историческом времени фронт цивилизаций смещается с юга на север, из Месопотамии, Египта и Италии в Германию и Британию. Может быть, сейчас ему настало время переместиться в Заполярье?

Тойнби размышлял о том, действительно ли всегда общество отвечает сильнее на более сильный вызов. Приводя в пример эскимосов, он приходил к выводу, что иногда вызов может быть слишком силен, приводя к тому, что вся энергия общества уходит в создание изощренных способов выживания. Но технический прогресс придает еще одно

измерение функции, связывающей ответ и вызов. Со временем, с развитием знаний и технологий, общество получает возможность ответить на вызов такой силы, который прежде заставил бы его перейти к тактике выживания. Мне кажется, здесь мы имеем именно такой случай. Мощная цивилизация не могла бы существовать на скудных ресурсах Заполярья без развитой науки и техники; в настоящее время имеющиеся конструкционные материалы, атомная энергетика, гидропоника, биотехнологии и целый комплекс других достижений в принципе позволяет существовать даже на Луне, не говоря о Заполярье, где имеется неограниченное количество воздуха и воды.

Здесь интересно обсудить еще один аспект освоения новых пространств. Видимо, под воздействием перенаселения и в поисках новых охотничьих угодий человеческие племена из более благоприятных климатических зон распространялись в холодные и безводные зоны. Эти переселения всегда были связаны с одним моральным компонентом – готовностью прикладывать большие усилия, изменять свою жизнь ради овладения свободными пространствами. Люди живут не только там, где лучше всего, а везде, где можно выжить.

Сибирские и тем более, заполярные проекты, требуют от людей сверхусилий и мобилизационного сознания. Чем могут быть компенсированы эти сверхусилия? Скорее всего, ничем – *кроме самой возможности жить*. Транспортный мост Европа-Азия? Такой мост нужно строить как можно южнее, и для обслуживания его не нужны миллионы человек. Ископаемые? Их лучше добывать за счет мощной техники, вахтовым методом, при незначительной численности персонала. Давайте не забывать о критерии численности людей, нужных для поддержания альтернативной цивилизации – 500 млн. человек. Пол-миллиарда людей, готовых работать по 80 часов в неделю, чтобы создать крытые города и зимние сады, стоящие на сваях над вечной мерзлотой, для себя, своих детей и своей цивилизации.

Современная западная цивилизация безумно расточительна. Это расточительство связано с ее основным принципом, плюрализмом. Согласно этому принципу, борьба идей за социальную материю, за человека – начиная от идей политических и кончая экономическими бизнес-идеями – должна вестись на основе контракта, *покупки* этого человека. Поэтому частный человек должен быть *соблазнен*, его сознание должно быть соблазнено через его тело, чтобы он примкнул к данному проекту – как голосующий, если это политическая партия, или как акционер или сотрудник, если это коммерческое предприятие. Основным средством соблазнения там является материальный соблазн, как средство, действующее наиболее эффективно и универсально, на основе простейших телесных ощущений.

Но коэффициент ее полезного действия очень невысок, если бы какое-то общество того же уровня технологического развития сумело средства, идущие у стран «золотого миллиарда» на неумеренное потребление, тратить на развитие, оно через десяток-другой лет обогнало бы весь остальной мир. Это пытался сделать СССР, но не учел того, что эволюция требует свободы. Для того, чтобы *совместить свободу и самоотречение* в эволюционной гонке, необходимо воспитать совершенно особую породу людей, которые как раз и смогут создавать быстро развивающиеся сообщества в самых неблагоприятных условиях, за полярным кругом или в космосе. Это должно быть общество подвижников прогресса, всегда готовых отказаться от дорогого автомобиля или шубы ради лишнего научного эксперимента или инженерной разработки. Но, если советский социализм пытался воспитать таких людей в рамках государственной программы, то в данном случае

необходимо сначала выделить страту подходящих людей из всего общества, и создать из них «действующую модель» новой цивилизации.

Сибирь может вместить и миллиарды человек, необходимых для организации новой мирсистемы, причем плотность населения будет все еще невысокой. Но где их взять, при абсолютном нежелании современных семей иметь более двух детей? Однако всякий реальный сценарий создания альтернативной цивилизационной ветви должен учитывать этот критерий.

Кем можно заселить эти пустынные края? Только заключенными, фанатиками и теми, для кого нет места на родной земле. Фанатиков трудно найти в нужном количестве, однако в мире имеется много стран, в которых десятки миллионов «лишних» людей. Соединив эту массу с фанатиками, мы можем получить ту гремучую смесь, которая будет работать и учиться все время, свободное от сна вместо того, чтобы пить пиво и смотреть телевизор, чтобы компенсировать суровость внешней среды своего обитания.

Именно такая среда предоставит возможность синтеза культур и цивилизаций, необходимость масштабных социальных экспериментов, потребует применения новейших методов массового обучения. И ветвь цивилизации, выросшая в этих условиях, действительно будет наиболее способной к космической экспансии – не только по техническим возможностям, но, главное, по моральным установкам общества.

Эксперимент может начинаться с работ сравнительно небольшого масштаба, где должны быть проверены основные принципы создания защищенных поселений, организации общества внутри них. Такие экспериментальные поселения целесообразно создавать вокруг месторождений ценных ископаемых, центров обслуживания транспортных магистралей – везде, где это будет поддержано некоторой экономической целесообразностью, потому что вряд ли кто-то будет спонсировать создание альтернативной цивилизации.

§2 Как стянуть (или рассредоточить?) мир в одно большое целое вокруг России? Союз России с Германией и Францией – новое ли это похищение Европы по Вадиму Цымбурскому?

А могла бы Россия достаточно жёстко и твёрдо, консолидируясь с Германией и Францией, выступить против экспансионистских намерений, имперских претензий США?...Альтернатива «похищению Европы» состоит в глобальной реорганизации мира с позиций России. Для решения этой задачи необходимо одновременно вместе с проведением целого ряда европейских дипломатических операций (прежде всего с Германией и Францией, которые к этому готовы) провести операции в Азии – с Китаем, Индией, Ираном. Но это – мегаплан, для осуществления которого должна быть обеспечена система дипломатических операций как минимум шести уровней, включая помимо официальной представительской дипломатии невидную регионально-системную дипломатию, капиллярно-диаспоральную, дипломатию актуализации блоков, дипломатию системного присутствия, дипломатию актуализации традиционных связей и т.д.

США показали в войне с Ираком, что больше не существует важнейший принцип политики, принятый всеми ведущими странами после II мировой войны – невмешательство во внутренние дела других государств, какие бы режимы не стояли там у власти. В действительности это только знаменует момент практического вывода из факта распада социалистической системы и падения двухполярного мирового равновесия.

Если до того уважение к альтернативным политическим системам основывалось на взаимном устрашении, то теперь этот фактор исчез. Стало возможным напасть на суверенное государство и арестовать его главу только потому, что кому-то не нравится существующий политический режим. А если кому-то не нравится западная демократия? В конечном счете, оказывается, что остается только критерий военной силы.

Есть важная объективная тенденция соревнования больших экономических пространств. Логика развития сравнительно новой экономической зоны – ЕС, которая недавно обзавелась своей валютой, ведет как к требованию ее дальнейшего расширения из-за роста сложности экономик (мирсистем), так и к требованию политического оформления. В ближайшие десятилетия ЕС и Россия будут вынуждены определиться по поводу интеграции экономических пространств и вытекающих политических требований.

Но, даже если Россия (скорее всего, вместе с Казахстаном и рядом других республик СНГ) войдет в экономико-политическую зону ЕС (что приведет к преобразованию Евросоюза в Евроазиатский Союз), это не означает невозможность строительства альтернативной северной цивилизации. Дело в том, что современный мир все более напоминает многослойный пирог, «структуры, нарисованные на структурах» (Лефевр). На общей экономической структуре могут прекрасно сосуществовать две и более цивилизаций, как сосуществуют США и Китай, разделение труда между которыми приближается к симбиозу.

Таким же образом может быть сконструирован евроазиатская унифицированная платформа с комплиментарной экономикой, гармонизированными законодательствами и единой расчетной единицей, на которой, взаимодействуя, будут жить множество культур и несколько цивилизаций. Мир уже привыкает пользоваться многообразием культур, китайской кухней, индийским балетом, русскими писателями, европейской музыкой. Разве было бы хорошо, если бы все это разнообразие было унифицировано?

Никакого самоданного мирового целого не существует. Это мировое целое формируется и образуется в зависимости от того, какие цели ставят действующие субъекты, и насколько они эффективно выстраивают подобные действия.

Вот тут я не согласен в принципе. Есть некая программа развития Вселенной, и наш земной исторический процесс представляет собой лишь некое весьма незначительное звено в общей цепи шагов эволюции. Никто из земных царей и философов не может точно предвидеть будущее; поэтому любое политическое (тем самым историческое) действие представляет собой выстрел наудачу, совершенный в темноте или в тумане. Вся интуиция и предшествующая подготовка только увеличивают шансы попасть в цель, но никогда не дают полной гарантии. Поэтому мы должны ставить цели с привлечением всей доступной нам мудрости, но зная при этом, что мы всегда можем ошибаться. Другое дело, что это «мировое целое» существует, как потенция, и мы вынуждены искать его на ощупь.

Сократ сказал когда-то, что изобретая сверло, мы лишь открываем то, что назначено природой. Действительно, хотя сверло – это человеческое изобретение, форма его не произвольна. То же самое и с «мировым целым», которое якобы не существует. Оно «назначено природой», и мы не можем создать его по своему произволу, а можем только открыть его, хотя я думаю, что может существовать несколько возможных форм этого мирового целого. Как могут быть спиральное и трубчатое сверла, например.

Современный разведчик в условиях концентрированной войны должен постоянно диагностировать, как трансформируются и меняются цели руководства собственной страны и её самоопределение, и параллельно – как изменяются основные оси и принципы организации мирового пространства с попыткой чёткого определения, кто является конкретным субъектом и агентом переорганизации мирового целого. Поскольку цели подлинной оккультно-религиозной разведки, а только такой и может быть разведка, в пределе состоят в том, чтобы исследовать и разведывать, что происходит с собственной душой и сознанием в новой формирующейся среде, космическом пространстве мирового целого. ... а этот вопрос тоже можно попытаться спокойно ответить, если в нас будет говорить и присутствовать Дух русских православных людей.

Хотелось бы видеть более серьёзный подход к столь сложной проблеме. Где вы видели этих «русских православных людей»? Это некая болезненная фантазия, не имеющая никакого отношения к реальности. Может быть, в России и имеется сотня тысяч, может быть, даже миллион, людей, которые являются православными верующими, способными внятно ответить на вопрос о том, во что они веруют. И несколько тысяч, которые являются верующими, а не суеверными. Если же углубиться в вопрос, кто те 90%, что отвечают в социологических опросах, что они «православные», то оказывается, что они не только не в состоянии объяснить, чем православие отличается от католичества, но и не в состоянии назвать хотя бы половину христианских заповедей, вспомнить имена апостолов и вообще, ответить вразумительно ни на один важный вопрос о содержании «своей» веры. Атеизм основательно поработал над населением России, и здесь я выскажу свое совершенно немодное мнение – настоящий атеизм, включающий наследие выдающихся мыслителей мира, включая Вольтера, Дарвина (верующего, но объективно работавшего против веры), Маркса, Ленина, намного прогрессивнее, нежели мировоззрение, проповедуемое Российской православной церковью (еще вопрос, какое оно имеет отношение к истинному православию). Если бы не была разорвана связь времен, религия могла бы плавно трансформироваться и отмирать в народной душе. Но попытки воскрешения разложившегося трупа в XXI веке в целях «пользы для народа» кажутся мне бесполезной тратой энергии. «Померла, так померла».

В книге проглядывает также еще один концептуальный вопрос – а именно, что разведка не только «диагностирует, как меняются цели руководства собственной страны», но и может формировать эти цели, представляя специально подобранную информацию. Это очень интересный вопрос, с одной стороны, какая-то избирательность неизбежно присуща человеческому сознанию, с другой – нужна ли руководству и народу такая разведка, которая пытается неконституционно рулить государством?

Поэтому то состояние сознания казнокрадов и стяжателей, которое сегодня присутствует в обществе, – тоже один из плодов социалистического строительства. Духовную основу социалистического общества составляли те люди, которые жили вопреки социализму, совершая открытия и занимаясь творчеством. Гениальный учёный-философ Побиск Кузнецов, прошедший ГУЛАГ Сталина-Берии и психушки Щёлокова, утверждал, что жизнь при любом строе для мыслителя приблизительно одинакова, приводя в пример Линдона Ларуша – узника совести при президентстве Буша-старшего.

Как ни странно, действительно в значительной степени духовную основу социалистического общества составляли те люди, которые жили вопреки (реальному) социализму, совершая открытия и занимаясь творчеством.

Этот абзац является очень важной точкой в книге. Мы никак не можем двинуться дальше в своей истории, никак не можем приступить к формированию «российского мегапроекта для всего мира», не дав оценку семидесятилетнему зигзагу истории Российской империи.

Никто, в том числе т.н. «патриоты» России не дали пока единого ответа на этот вопрос. Самый поверхностный идеологический анализ групп людей, называющих себя «патриотами», показывает, что среди них имеются совершенно несовместимые группы «коммунистов-ленинцев», «коммунистов-сталинистов», монархистов, национал-капиталистов, технократов из ВПК, евразийцев, антисемитов, национал-мафиози и так далее. Большая часть этих людей действительно желают России добра; вот только добро они понимают по-разному. Каждая из этих групп строит сейчас собственный проект будущего для России, но будущее у нее может быть только одно. Поэтому раньше, чем Россия сможет направить сценарную панопию вовне, ей должна совершеннее других овладеть одна из этих групп – а, скорее всего, совершенно новая группа – с тем, чтобы создать такой сценарий для России, который способен овладеть умами большинства населения.

«Люди, которые жили вопреки социализму» - яркое, но не очень точное определение. Многие из них жили именно *для социализма* – так, как они его понимали. Но *реальный социализм* был устроен так, что не допускал интерпретаций, не допускал продумывания, предвосхищения альтернативных путей своего развития, что и стало в конечном счете причиной его гибели. В момент, когда прежние тропы развития оказались исчерпаны, социализм не имел в запасе заранее подготовленных на уровне хотя бы элитарного, но общественного, а не личного, сознания, не имел версий модернизации, которые только и могли быть подготовлены этими людьми, которые жили *«совершая открытия и занимаясь творчеством»*. Социализм т. Сталина не подразумевал непредвиденностей (не возражаю, что это была вполне разумная стратегия *догоняющего развития*), и потому с творцами боролись особенно тщательно и успешно.

Но именно в период, когда догоняющий вариант развития был выработан до конца, в 70-е годы, когда охранительную ориентацию необходимо было сменить на инновационную, у руководства страны оказались люди, зомбированные борьбой с инакомыслием.

§3 Россия после Ирака: необходимость нового политического курса

В этом параграфе поставлен вопрос, в какой степени можно разделить социализм и Россию (я бы даже сказал – русскость), в какой степени те, кто боролся против социализма изнутри и извне страны, боролись на самом деле против Духа России. Что можно сказать по этому поводу? Не существует некоей неизменной, вечной «русскости». Была Русь дохристианская, домосковская. Это была «страна городов», Гардарика, как ее называли скандинавы. Объединенных языком и культурой, и в то же время постоянно сражающихся друг с другом.

После распространения христианства – это уже другая Русь. После нашествия Орды – третья, и еще одна новая Русь с установлением царства Московского. Следующие – после Петра I, Ленина, Сталина, Горбачева. Какая из них истинная?

Так же, как во всяком человеке существуют различные потенции, и он может пойти по тому или другому пути в зависимости от сложившихся обстоятельств и внутренних духовных состояний, причем в результате прохождения этих разных путей получаются разные личности, так и Дух народа изменяется в истории и мог бы стать разным, если бы шел различными путями. Но путь у истории всего один, народ не может испробовать разные пути и выбрать наилучший. Поэтому мы не знаем и не можем узнать, что было бы, если бы Россия приняла католицизм, что было бы, если бы в революции не победили большевики, какая из возможных России была бы более русской.

Советский социализм, несомненно, был одним из исторических состояний Духа России, он отвечал каким-то глубинным свойствам (может быть, не самым лучшим) его природы и следы этих изменений сохраняются в народе навсегда. Но мы не можем узнать, каким бы мог стать дух русского народа, пойдя история по иному пути, не социалистическому. Чтобы узнать это, нам нужны были бы еще несколько России, еще несколько планет Земля.

Мы терпим недостатки человека до какой-то границы, после чего начинаем требовать от него измениться под угрозой разрыва отношений с ним. Мы можем мириться со своими недостатками, пока они не начинают угрожать нашему собственному существованию, когда приходится с корнем вырывать эти недостатки из своей души. На самом деле это один из примеров опосредованного отбора идей. Какие-то наши устремления, желания, программы действий могут существовать в сознании очень долго и не устраняться другими идеальными же внутренними уровнями отбора. Люди очень изворотливы по части приспособления своих проектов к своим принципам.

Но идеальные проекты (сценарии) выливаются в реальную деятельность нашего тела во внешнем мире. И этот внешний мир начинает критику наших проектов, не принимая во внимание искусственные приспособления, причем на каком-то уровне столкновения наших проектов и реальности мы вдруг видим угрозу нашей жизни или образу жизни. Вот здесь приходится отбросить ложные проекты и их искусственные подпорки, и начать строить внутренний сценарий заново, так, чтобы он не вел к столкновению с реальностью.

Можно сказать, что социализм советского типа переступил эту черту в 80-е годы XX столетия, и народ отринул его. Можно спорить о том, весь ли социализм, как комплекс, следовало отбросить, или только некоторые его черты.

Но то, что случилось, не вернуть, возможно лишь пытаться исправить.

Слом социалистической системы произошёл в результате глупости и недальновидности одной части руководства и измены другой.

Смешной миф, имеющий хождение среди «патриотов». На самом деле совершенно ясно, что слом «социалистической» системы произошел потому, что в ней система управления, система социальных лифтов, система отбора людей и идей была организована так, что в руководство попадали дураки и жулики. Это необходимое и достаточное условие падения системы, а измена и недальновидность – только следствия. Не дураки и предатели порушили хорошую систему, а система была такова, что массами создавала дураков и потенциальных предателей, да еще выводила их на верхние этажи социальной пирамиды. О том, как эта система работала, хорошо написано у Зиновьева в книге «Социализм, как реальность».

Почему в руководстве страны не было третьей части – мудрой, дальновидной и к тому же честной? Или же доля этой части была так мала, что они не имели реального влияния, вынуждены были интриговать по углам? Предательство и глупость – это не проблемы, они существуют вечно; проблема – удержание уровня предательства и глупости в пределах, безопасных для общества. Это невозможно без организации системы многоуровневого опосредованного отбора, с нижним уровнем, близким к исторической практике.

Эта проблема стоит перед Россией в настоящее время еще принципиальнее, чем перед СССР. Ее нельзя решить какими-то декретами или переворотами, поскольку ложью пропитано все общество. Ее можно только начать решать, выделив какую-то часть общества, островок, внутри которого честь имеет принципиальное значение. И уже потом этот остров может начать расширяться. Есть определенная системная сила, которая может поддерживать честность. Это реальный бизнес, существующий в условиях конкуренции. Для него ложь – это выпуск некачественной продукции. При нормальном рынке *честность выгодна*, и это мы видим на примерах рынков пищевой продукции, обуви, одежды и бытовой техники в России, которые поразительно быстро вытеснили дешевый некачественный импорт и постепенно нагоняют по качеству мировые бренды. Но на таких сильно регулируемых рынках, как энергоносители, вооружение, тяжелая промышленность, важнее не качество и цена продукции, а отношения с властями, создающие то, что экономисты называют «приятельский капитализм». На таких рынках выгоднее направлять средства на подкуп, чем на развитие производства. Такой рынок питает ложь, и, если финансовые потоки на этом рынке больше, непременно в такой стране ложь победит. Отсюда можно сделать злободневный экономический вывод – сильный рубль выгоден чести, слабый – лжи; при сильном рубле надо побеждать умом, при слабом – дешевизной труда и, следовательно, комплексным обманом народа.

И дальше надо разбираться в том, что ненавидели те, кто ненавидел СССР и блок стран Варшавского договора: социализм или Россию?

Были и есть и те, и другие. А еще больше тех, кто не питает к России каких-то особых чувств, поскольку ничто их с ней не связывает. Но, по мере вхождения России в мир, которое происходит очень быстро, все большее количество людей начинает выстраивать свое отношение к России и русским. Наша проблема, в частности, в том, чтобы русские и Россия были скорее полезны и приятны, чем вредны и раздражали. В том, чтобы быстрее вербовать сторонников, чем плодить недругов.

Это зависит, в первую очередь, от нас самих. Одно дело, если из России приезжают великолепные музыканты, исследователи, честные предприниматели. И другое, когда отсюда валом валят «новые русские», мафиози и бизнес-мошенники. Если последние будут преобладать, то никакая сила и никакие сценарии не заставят мир полюбить Россию.

...коммунистическая форма власти во главе с ЦК КПСС (её мы отличаем от социалистической экономики с методами целевого планирования) – это не русская форма правления.

Очень рискованное заявление; а что же тогда «русская форма правления»? Иван Грозный? Новгородское Вече? Кстати, никакой системной разницы между Сталиным с

Политбюро и Грозным с боярами, как системами управления, нет. Советская система воспроизводит царскую как по своей бюрократической структуре министерств и ведомств, так и по политическому процессу интриг и дворцовых переворотов, то есть, совершенно русская по характеру. Да она и не могла быть другой, потому что политика – это искусство возможного, а насадить в России нерусскую форму правления невозможно.

Любые петры и сталины, внедряя в русскую жизнь свои *канцелярии* и *комитеты*, сталкивались с тем, что те моментом выворачивались внутри своей шкуры и превращались в *думы*, *присутствия* и *приказы*.

Но Россия меняется, и должны вместе с ней меняться присущие ей формы правления. Чисто по Марксу, надстройка должна соответствовать базису.

С моей точки зрения, катастрофа России в XX веке именно тем и обусловлена, что усложнение социально-экономической системы требовало смены систем управления, а советский «социализм» законсервировал ее и не позволял модернизировать. Сталин гнал базис вперед, к пост-индустриальному, а надстройку – назад, к монархии, результатом неизбежно должен был быть «снос башни», как теперь выражаются.

...ввести элементы частной собственности как условие и возможность меритократии – строя, который вознаграждает заслуги, поставить вопрос о русском священном царстве в условиях поликонфессионального диалога мы не смогли. А должны были!!!

Должны были – но не могли. Почему «не могли» - вот вопрос, который *должен* задать Ю. Громько, но не задает. Видимо, потому же, почему они «не смогли» 20 лет назад. Потому что в той системе ставить такие вопросы значило превратиться в диссидента, стать «не своим». А быть «своим» принципиально важно, это глубинная идея всякого общества. Но критерии при этом могут меняться – и системное преимущество плюрализма в том, что можно оставаться «своим», ставя неудобные вопросы. «Раздергивание» общества при этом предупреждается сложной системой согласования интересов и разрешения конфликтов на разных уровнях. Такой системы не было в СССР (была система жалоб в горкомы и обкомы) и она только создается в настоящее время, со всеми характерными искривлениями, свойственными периоду преобладания лжи.

§4 Россия: назад – вперёд к XIX веку. Концерт европейских и мировых держав

В главе обозначены:

Системные противопоставления:

1. Морские – континентальные державы. Противостояние Китай – США в этом плане.
2. Финансовый – промышленный капитал.
3. Либерализм – государственный социализм.

Американизированная Россия не является Россией.

А крещеная Россия является Россией? Сравнительно с Россией Перуна и Дажь-бога? Россия, принявшая коммунистическую веру, является Россией? Сравнительно с царской? Я думаю – является, кроме того, она всегда преобразует принятую веру – русское христианство иное, чем Византийское, не говоря уже о марксизме. Даже если

кому-то удастся «американизировать» Россию, это будет уже не тот американизм; да и сами американцы не признают его, как Маркс не признал бы свое учение в советском коммунизме. Россия – это не какое-то определенное состояние, но исторический процесс, течение, и сохранение сути России – это сохранение непрерывности главных струй этого течения.

Возникающий треугольник Россия–Германия–Франция может противостоять англосаксонской экспансии Великобритании–США.

Действительно, очевидно, что Pax American доживает последние годы. Большая политика возвращается в Евразию. Китай к 2020 году догонит США по валовому продукту и уже не позволит им самоуправствовать на востоке континента. На подходе экономический взлет Индии. На западе Евразии ЕС ведет все более самостоятельную политику, и логика роста социально-экономического пространства ЕС будет уводить их все дальше по пути независимости. В Евразии должна сложиться новая система связей, союзов, противовесов. Здесь все в движении, и роли еще не определились. Россия имеет возможность найти себе достойную роль, будучи «срединной империей» континента. Но для этого она сначала должна осознать свои цели, свои пути, а затем последовательно позиционировать себя в нужной позиции во всех международных отношениях.

Подобная система антропных сетевых переплетений собственно и выступает основой коммуникативных взаимодействий, в среде которых проявляются симбиоз и антагонистичность различных цивилизационных порядков. Взаимодействуя друг с другом, цивилизации могут разрушать и подавлять, а могут, наоборот, усиливать и подпитывать друг друга.

Вообще, при более тщательном рассмотрении, кажется, что нет четко определенных границ цивилизаций, так же, как нет абсолютно однородных, монолитных, цивилизаций. Так называемая «западная» цивилизация имеет множество внутренних малых цивилизаций (культур) – таких, как испанская, немецкая, французская, англоязычная культуры, а также два большие внутренние течения – англо-американское и континентальное.

В России тоже можно найти малые цивилизации, выраженные менее отчетливо. Это южный и северный русские менталитеты, сибиряки, а также российские мусульмане. Они накладываются на общие границы, систему законов, экономику. Между ними выстроено множество «интерфейсов», которые позволяют им взаимодействовать, не мешая или даже помогая друг другу. Неверно смотреть на культуры, цивилизации и экономики, как нечто застывшее и однозначно связанное друг с другом.

Мы согласны с мнением В.Л. Цымбурского о том, что такое качество этноса, выделенное Л.Н. Гумилёвым, как пассионарность, определяется не биофизическими характеристиками, но идейно-мировоззренческим полем, в котором существует и живёт этнос.

Присоединюсь к этому заявлению; могу только сказать еще, что идейное поле этноса складывается в результате движения и комбинации существующих культурных пластов, а также появления в нем принципиально новых элементов. Эти комбинации

столь же уникальны, как и комбинации генов в процессе биологической эволюции. Периодически возникают некие новые необычайно успешные комбинации, приводящие к возникновению новых видов, которые заселяют новые экологические ниши. В социальном движении в результате взаимодействия племен и культур возникают новые успешные цивилизации, охватывающие целые континенты. Все это – элементы общей эволюции Вселенной, в которых выявляется замысел и цель Вселенной. СССР, построенный вокруг России, пытался внести свой вклад в эту эволюцию, но неудачно. Пришлось заменить несколько базисных аксиом нашего общества. Новая конфигурация еще не выработана, поиск идет. В том числе и в таких книгах, как «Сценарная паноплия».

Можно спросить, а кто дал нам задание на постановку подобных целей и выстраивание такого типа сценариев. Мы с удовольствием ответим – Господь Иисус Христос, и больше никто

Я за себя скажу – могу сослаться только на Мировой Дух, для которого Христос – один из миллионов богов во Вселенной, и который требует от всех нас творчества, потому что через творчество развивается Мир.

С точки зрения анализа истории систем дипломатии, внешней торговли, можно утверждать, что сетевое государство существовало всегда...

Торговля и производство, нацеленное на обмен произведенного, тоже существуют с незапамятных времен, но это не значит, что капитализм существовал всегда. Он возникает, когда капиталистические отношения становятся преобладающими, так же и сетевое государство станет реальностью, если станут преобладающими сетевые отношения. Что, впрочем, вполне реально – учитывая концепцию динамических многослойных пирогов и обществ-трансформеров.

...перед Россией и русскими вновь развёртываются задачи организации духовного взаимодействия с другими континентами Евразии – прежде всего с тремя странами-носителницами Евразийской духовности: Китаем, Индией и Ираном.

Для России, сложность духовного взаимодействия с этими странами состоит в том, что Россия, хотя и находится между Востоком и Западом, но всегда стояла и стоит лицом к Западу и спиной к Востоку. Изменение мировой конфигурации в наше время требует изменить и отношение России к своей восточной политике, что уже постепенно происходит. Интерес к Востоку постепенно растет и в широких массах населения страны. Деловые контакты (особенно с Китаем) требуют понимания образа мысли восточных партнеров, тянут за собой интерес к культуре этих стран.

...возможна такая творческая «интерпретация» ислама, в результате которой возникнет его американизированная версия. ... Исламизированные турки, скорее всего, примут сторону Америки и возьмут на себя задачи соединения ценностей либерализма с ценностями ислама.

Вот это пример глобального сценария, причем такого, который можно вооружить с головы до ног. Посмотрим, что из этого выйдет, но этот пример показывает – сценарное

всеоружие возможно, скорее всего, виртуальный Лос-Аламос уже незримо строится Соединенными Штатами. Страна XXI века без такого оружия – это страна XX века без оружия ядерного. Страна второго или третьего ряда.

Более того, если возникновение ядерного оружия через гарантированное взаимное уничтожение создало стратегию «ядерного равновесия», то сценарное всеоружие по своей природе создает другую стратегию – оно, согласно анализу Савченко, должно быть применено немедленно после создания. Потому что если противник начнет внедрять свой сценарий раньше, это повлечет необходимость коррекций сценария, которые будут все время опаздывать, в результате чего велика вероятность победы вражеского сценария. Выигрывает тот, кто начинает первым на данной территории.

Собственно говоря, «сценарная война» шла всю вторую половину XX века, капиталистический и коммунистический сценарии предлагались разным странам (в значительной степени через овладение сознанием их населения) и мы помним, что преодолеть тот сценарий, который закрепился в данной стране первым, было очень сложно.

§ 5 Назад – вперед в XIX век. Россия в ситуации выбора геополитических союзников

Дважды за страшную историю XX века два этих великих народа (русский и немецкий – М.С.) были стравлены и противопоставлены друг другу, в том числе и в силу амбиций своих вождей. Сейчас впервые после столетнего периода возникает возможность восстановления контакта на уровне двух великих цивилизационных народов. Этот мир и единая цивилизационная устремленность немецкого и русского народов должна быть специально восстановлена. Включение в этот союз на полностью самостоятельных и независимых началах французского народа, у которого свои стародавние отношения вражды-симпатии и с германским народом, и с русским народом, позволяет впервые сформировать устойчивый континентальный блок, в котором найдётся место и итальянскому, и бельгийскому, и испанскому, и шведскому, и польскому, и датскому, и финскому, и многим, многим другим европейским народам.

На эту тему в последнее время вот какие мысли приходят мне в голову. В какой мере можно говорить о «народе», как чем-то едином, в современном глобализирующемся мире? Кажется, в много меньшей, чем раньше. Неизменно главным «связующим» остается язык. Но многие сейчас свободно говорят на двух-трех языках. Границы становятся условны, особенно в таких объединениях, как ЕС. Религия уже необязательна для принадлежности к нации, никого уже не удивишь англичанином-кришнаитом. Политические приверженности еще более условны, есть русские ультралибералы и американские коммунисты. Одежда более или менее одинакова в большинстве стран. Культура питания становится все более смешанной. Литература также проникает из одних стран в другие. Есть русские любители Эдгара По и английские почитатели Толстого. Что делает жителя России, родители которого казах и украинка, одетого в джинсы и байкерскую куртку, любителя хард-рока и американской фантастики, из еды предпочитающего пиццу и китайский ресторан, частью русского народа? Разве что русский язык; он и остается главным связующим некой общности людей, живущих, к тому же, в разных странах. Язык и связанное с ним понимание контекста русской жизни, понимание ставших особыми русскими мемами фраз, вроде «строили мы строили, и

построили», или «облако в штанах», слов вроде «членовоз» или «блат», непонятных представителям других культур.

Внутри каждой нации имеются классы предпринимателей, фермеров, рабочих, интеллектуальных работников, которым часто ближе интересы аналогичных классов из других наций, нежели другого класса своей нации, что и проявляется в разных спорах по перспективам развития ЕС. Если раньше классы внутри нации «стягивались» интересами национального государства, то сейчас превалируют интересы глобальных экономических процессов, размывая национальное государство.

Растет миграция, «немец турецкого происхождения» уже не звучит, как шутка. Все более важным становится некий социально-экономически-культурно-правовой универсальный субстрат, на котором, каждый со своим «интерфейсом» могут удобно располагаться самые разнообразные комбинации рас, культур, сообществ.

В этом контексте какие-то «союзы русского и немецкого народов» звучат анахронизмом, залетевшим из XIX в XXI век. Речь на самом деле идет об участии или неучастии России (а не русского народа – он уже участвует, не дожидаясь движений неуклюжего государства) в создании Евроазиатской мирсистемы, где слоями и кластерами взаимодействуют разные этносы, культуры и цивилизации, где вы можете найти сауну в Турции или вьетнамский ресторан в Финляндии, посмотреть французский фильм в России или сходить на концерт русской рок-группы в Лондоне. Наше государство может напыжиться и игнорировать процесс, обрастая таможенными и квотами, но тем больше у него шансов остаться вне игры XXI века. Сепаратные соглашения в этом контексте отдают пещерным анахронизмом. Возникает конкуренция и интервенции культур, не связанные с военной и политической экспансией. Культуры получили возможность мирно проникать в другие страны и овладевать умами их населения через книги, телевидение, предметы обихода, образ жизни.

Здесь может быть выделена вполне определённая структура переходов усложнения объекта развития: транспортные коридоры развития, то есть железные дороги и трубопроводы через центральную Азию, соединяющие и организующие континент; научные города развития по типу Новосибирского научного городка и закрытых городов (Арзамас-16, Красноярск-59 и т.д.), построенные, в том числе, на труднодоступных и необжитых местах азиатского континента, а также на дне мирового океана; единая инфраструктура освоения пустынь, зон вечной мерзлоты, дна мирового океана и космоса. ...Задача России состоит в том, чтобы открыть Евразию через её развитие для всего мира, сделать её точкой мультицивилизационной синергии, превратить в плацдарм реализации любых прорывных проектов человечества.

Звучит воодушевляюще. Но имеется один важнейший для всех подобных фантастических проектов вопрос – нужно ли это народу? В последние годы, благодаря развитию Интернет и отмене политического надзора за мыслями граждан, в России идет интенсивный обмен мнениями по самым разным вопросам, идет оформление и самоосознание разных политических и культурных групп. Так вот, помимо группировок социалистов, монархистов, евразийцев и пр. можно вычислить две большие группы мнений – прогрессистов и традиционалистов. Оказывается, большая часть населения вовсе не жаждет осваивать пустыни и вечную мерзлоту.

Раньше прогрессистам удавалось под лозунгом «государственной необходимости» заставить широкие массы жертвовать средства и труд на космос, атом, освоение Арктики

и так далее. Но это очень сложно будет сделать сейчас, когда распалась советская империя. Столь же сложно убедить «частного человека» в необходимости чего-то ради создавать новую империю, будь то «либеральную», «евразийскую» или какую-либо еще. Да, многие хотели бы вернуть империю – но только если ради этого не надо ничем пожертвовать.

Готовы ли «прогрессисты» оставить простой народ со своими насущными проблемами и принять выполнение своих мегапроектов чисто на свои плечи? Разработать хотя бы в перспективе самоокупаемые проекты с тем, чтобы привлечь частные или государственные средства?

Может быть, России следует открыто объявить тендер на освоение Заполярья всем прогрессистам Евразии? Пусть создают консорциум, разрабатывают проекты и собирают средства? Во всяком случае, если нет возможности государственного насилия, северный евразийский сценарий должен начинаться, как *предприятие* – то есть, проект, который предпринимается не всем обществом, а его частью, объединением частных лиц и организаций, как некая *альтернатива* другим существующим проектам. В этом есть и минусы, и плюсы по сравнению с тоталитарно-государственным проектом.

По крайней мере, людей это предприятие должно привлечь на добровольной основе, а не завозить в вагонзаках.

При этом так рассматриваемый проектный принцип полностью отличается от волюнтаристской плановой экономики, когда не принимается в расчёт окупаемость создаваемой инфраструктуры.

Не только окупаемость, но и конкурентоспособность. Вот чего не было и не могло быть в социалистической экономике, окупаемость же Госплан и министерства считали. Но что такое «окупаемость» в условиях произвольно назначаемых цен и монополизма? Здесь же придется доказывать эффективность в условиях глобальной экономики, хотя эффективность своеобразную – не только по качеству и цене производимой продукции, но скорее по способности привлекать все новых людей своим способом жизни, возможно, более спартанским, но более творческим и перспективным.

... страна, обладающая полномасштабностью, всего лишь имеет полный набор институциональных типов, на основе которых в дальнейшем может проводиться анализ меры сформированности и эффективности того или иного конкретного института: академии, университета, промышленной фирмы.

Здесь имеет место некая неопределенность использования термина «институт». В последнее время институт все больше используется в смысле институциональной экономики – как формальных (закон) или неформальных (обычай) *правил игры* в обществе (Д. Норт). Промышленность вообще или науку вообще можно назвать институтом – как совокупность правил игры. Но нельзя назвать институтом в этом смысле научный институт (как ни странно).

Здесь может быть зафиксирован известный парадокс, высказанный Линдоном Ларушем, что рост населения Земли является не бичом, но огромным преимуществом. Поскольку только густо заселённая земля создаёт условия для активного накопления качественного знания и обменов информацией. Подобное отношение предполагает

использование всех зон евразийской территории для её полного освоения и циклического переосвоения.

И, главное в плане продолжения процесса космической эволюции, дальнейший рост сложности мирсистем требует все большего объема социальных систем, в которых реализуется. А именно здесь Россия имеет огромный потенциал в виде малонаселенной территории. Да, имеются большие массы населения в Азии и Африке. Но на местах своего постоянного проживания они связаны привычным образом жизни, органической системой институтов, которая сопротивляется нововведениям. Цивилизационные инновации часто связаны с переселением народов, но в наше время все благоприятные территории на Земле давно густо населены. Переселение народов возможно только в зоны с плохими условиями, где развитое общество возможно только в форме цивилизации прорыва, высоко дисциплинированной и очень энергичной, основанной на знаниях, и наибольшими в мире территориями такого типа обладает Россия.

Г.П. Щедровицкий считал, что процесс воспроизводства лежит в основе деятельности. «Базовый процесс деятельности – это воспроизводство».

Конечно, это так. Человек воспроизводит свою мирсистему и обучая детей, и производя различные вещи, и ремонтируя дороги, вспахивая поле, спаривая домашних животных. Но это простое воспроизводство. Заметной частью деятельности является изобретение и создание принципиально новых вещей, выведение новых пород животных, растений, создание новых человеческих организаций. Качественно расширенное воспроизводство общества – это эволюция. Если простое воспроизводство возможно просто путем копирования уже существующих вещей, освоения существующих приемов производства, то производство нового в обществе осуществляется на основе предварительного представления того, как это новое будет действовать в реальности. То есть, на основе планирования, на основе создания сценариев желательного будущего. Даже если это всего лишь представление о том, что по-новому сделанным топором будет удобнее рубить дрова.

§ 6 Борьба за Евразию

Группой Линдона Ларуша утверждается, что определённые группы влиятельных фигур в Германии во главе с Бисмарком и значительно позднее в России во главе с Витте стали применять принципы американской физической экономики к инфраструктурному развитию своих стран. Именно метод инфраструктурных проектов – построение системы железных дорог, складывание новых отраслей промышленности (паровозостроения, машиностроения, станкостроения, кораблестроения) позволял осваивать евразийский континент и переключать другие типы накопления богатства – финансово-ростовщический и накопление богатства путём колониального разграбления страны на построение крупных инфраструктурных проектов.

Возможно, удастся заинтересовать евробюрократию какими-то из транссибирских проектов? Многие из которых будут иметь несомненную стратегическую пользу для всего континента. Сочетание крупных финансовых средств, имеющихся в Европе, дешевой русской и азиатской рабочей силы с российскими ресурсами, территориями и уникальным

опытом осуществления мегапроектов, таких, как освоение целины, создание континентальных энергосистем и пр. во многих случаях могут дать фантастический эффект. Быстрый экономический рост Китая и Индии потребует в скором времени сырьевых ресурсов, превосходящих возможности современного мирового рынка. Значительную часть этих ресурсов могла бы поставить Россия, но для этого требуется масштабная разведка и доразведка именно в заполярной зоне, на шельфе Ледовитого океана, развитие транспортных и перерабатывающих мощностей.

Будучи одним из основных инвесторов в развитие производства в Азии, европейский капитал будет также ведущим выгодоприобретателем проектов сырьевого обеспечения новых азиатских экономик.

В общем и целом, такие проекты, несомненно, служат развитию и росту связности Евразии.

§ 7 Но почему всё же плохо подчинять разведку политическим решениям? Будущее оккультно-онтологической разведки – опыт невидимой брани

Выдающийся религиозный мыслитель и режиссёр Е.Л. Шифферс, обсуждая успехи и поражения советской разведки, высказал принципиальную мысль: эта разведка была в целом неэффективна, поскольку она не сообщала советскому руководству исходную принципиальную мысль, что советская система хозяйства оказывается проигрышной и затратной по сравнению с западной капиталистической системой хозяйства и проигрывает ей в конце 1970-х годов по всем важнейшим параметрам – качеству, эффективности, затратам. Поскольку данное принципиальное и фундаментальное соображение не сообщалось советскому руководству, то можно утверждать, что советская разведка не являлась системой, управляющей развитием политического мышления и сознания СССР.

С моей точки зрения, разведка не должна руководить страной. Если разведка, пусть она даже оккультная, стратегическая и онтологическая, руководит государством, это опасное извращение. Другое дело, что разведка должна предупреждать руководство об угрозах и шансах для страны, независимо от того, будет ли информация благосклонно воспринята начальством. Ясно, что, предоставляя информацию, разведка может оказывать влияние на принятие государственных решений, но при этом она узурпирует не предназначенную ей по закону функцию суверена, субъекта, принимающего решения.

Именно поэтому государственная власть всегда старается иметь несколько конкурирующих разведок и независимых каналов получения информации. Другое дело, что предвидение дальних горизонтов событий является скорее искусством, чем рутинным делом, связано с высокой вероятностью ошибок и может порождать картины, которые покажутся руководству страны фантазмагорическим бредом. Донесение таких сценариев до руководства требует определенного мужества, но в еще большей степени дальний прогноз требует готовности самого руководства к восприятию таких сценариев. Потому что, если руководство не готово понимать такие запредельные прогнозы, доведение их становится бессмысленным для разведки, а зачем нужно бесполезное геройство?

Поэтому руководство страны должно уметь периодически само становиться в позицию *разведчика дальнего будущего*, и ясно дать это понять руководителям своих разведок.

Возможность получать любую информацию предполагает помещение себя в такие условия, когда объём извлекаемой информации будет превышать любые возможности её переработки и осмысления. В такой ситуации справиться с воздействием информационного девятого вала можно, только создав фильтры для избирательного её восприятия. ... Что же лежит в основе подобного избирательного восприятия информации? Это подготовка себя к основному важнейшему испытанию, которое находится на грани жизни и смерти и связано с принципиальной возможностью уничтожения страны как субъекта мирового целого....С этой точки зрения, стратегическая разведка – это возможность увидеть гибель своей собственной страны, своего собственного рода. Следовательно, её осуществление обязательно связано со способностью «забегания» в смерть и великой мудростью Платона, высказанной в диалоге «Федон», что «философия – это упрямство в смерти».

Знать, что, выпав из окна многоэтажного дома или встав на пути поезда, можно умереть, полезно не только для разведчика или монаха. Мы каждый день ходим в полуметре от смерти – например, в метро. Оказывается, ничего особенно страшного в сознании даже ежедневной возможности своей гибели нет – если она рационально воспринимается и вероятность ее невелика. Если бы заботливые разведчики в СССР не скрывали от масс «принципиальную возможность уничтожения страны как субъекта мирового целого», то массы, возможно, повели бы себя иначе в начатой в конце 80-х перестройке. Снова здесь вопрос в организации мыследеятельности в стране целиком. Структура каналов распространения и отбора, критики информации в СССР были устроены так, что страна вела себя слепо и бессознательно в условиях быстро изменяющегося мира. И не только по причине недостатка правдивой информации, а в большей степени – по причине непонимания этой информации, отсутствия теоретических концепций для интерпретации этой информации. Вопрос в том, кто и как будет готовить фильтры для отбора информации.

Это как бы если после опытов Майкельсона запретить, как вредительские, всякие рассуждения «об относительности», а Эйнштейна отправить в лагерь. Факты невозможно было понять без новой теории, нового осмысления, а это как раз было запрещено, как ревизионизм.

Один человек создаст одни фильтры, другой – другие. Человек целиком, если уж на то пошло, некий уникальный избирательный фильтр информации, один подготовлен к тому, чтобы увидеть одно, что не увидит никто, кроме него, другой – другое. Проблема в том, чтобы иметь разнообразных людей, настроенных на то, чтобы увидеть нечто важное для общества, и чтобы каждый имел линию связи для подачи сигнала.

В чём же состоит стратегическая опасность для России? В цивилизационный перевербовке!!! Эту проблему мы и связываем с вопросами концентрированного оружия – оружия, поражающего сознание. Крики про демографическую катастрофу являются ничем иным как техникой политической борьбы, направленной на перехват власти. Люди умирают, поскольку им не интересно жить. Проблема же состоит в другом: как русским остаться русскими и сохранить свой цивилизационный замах и цивилизационную дерзость и не превратиться в добропорядочных бюргеров. Русские – это дерзкий сумасшедший народ, и этой дерзостью они и опасны.

Видимо, у дерзости есть измерения. И, если в одном измерении русские действительно дерзкий народ (тому много доказательств), то в других – склонные к соглашательству обыватели. Перевербовка – это да; условия резко изменились. Параллельные цивилизации вербуют людей прямо на дому, сидящими на диване у телевизора или компьютера. Тут корень многих проблем, можно сказать, что перевербовка – это феномен, с которым наиболее успешно боролся Сталин. Но существуют две принципиально разные стратегии борьбы с перевербовкой – закрыть страну, запретить чужим цивилизациям запускать сюда идейные щупальца. Или создать настолько сильную цивилизационную идентичность, чувство принадлежности к которой позволяет человеку сохранять приверженность к ней при том, что он свободно общается с другими цивилизациями и имеет возможность сравнивать.

Во многих воспоминаниях о войне звучит тема, что на русских солдат сильное впечатление произвела культура европейских городов и поселков. В условиях, когда за «преклонение перед Западом» можно было получить срок, эти воспоминания вероятно, постепенно стерлись бы. Теоретически, можно было бы сохранить «железный занавес», не пускать советских туристов за границу (только в Монголию, разве что), не показывать западные фильмы. Теперь пришлось бы еще фильтровать Интернет, а лучше, не иметь линий связи с всемирной сетью, кроме как для особых организаций. Да и вообще, для предупреждения «перевербовки» лучше бы не разрешать никаких интернетов.

Никакой возможности для «цивилизационной перевербовки» не было бы. И что мы получили бы? Стагнацию в десять раз худшую, чем во времена «застоя».

Борьба с «цивилизационной перевербовкой» должна иметь динамический характер, вот в чем дело, здесь надо бежать со всех ног только для того, чтобы оставаться на месте. Сегодня изоляция невозможна; вопрос для России поэтому в том, способна ли она бежать.

§ 8. Проблемы развития Российских Вооружённых сил после войны в Ираке

Победа состоит только в одном – в прорыве к технологическим инфраструктурам следующего поколения, в очередном опережении Америки.

Почему опережения именно Америки? Будто страшнее Америки зверя нет; но уже пора начать забывать от «сверхдержаве США» Мы должны быть первыми в мире, вот в чем идея лидерства, а вторыми могут быть ЕС, Китай, не знаю, кто еще.

Но задача заключается в том, чтобы на основе идеи прибыльных проектов заманить руководство страны в ситуацию разработки инфраструктур следующего поколения. Только социо-культурный технологический рывок может смять сложившуюся ситуацию и, в том числе, резко изменить систему распределения собственности в России. И для осуществления подобного рывка, в том числе и для перевооружения страны, надо искать союзников по всему земному шару – в том числе и в США, избавившись от нещерного изоляционистского патриотизма.

«Заманить» - это интересное слово (оговорка). В нем отражается та истина, что сегодня невозможно убедить руководство страны в реальности общего рывка всей страной. Они реальные люди, и это в само деле так.

Поэтому должна работать тактика «заманивания» - а именно, некоторая небольшая часть людей и ресурсов должна «вползти» в мегапроект. И, лишь если удастся достичь

успеха, туда двинутся большие средства и силы. И это правильно – уже нельзя рисковать всей страной сразу. Тем большую ответственность это накладывает на проектировщиков. Они не имеют права ошибиться, иначе вероятность «перевербовки» большинства населения западным глобальным проектом увеличивается.

Я бы сказал даже, что значительная часть населения на распутье, и именно новый цивилизационный мегапроект должен «перевербовывать» сторонников у проектов реставрации социализма, восстановления монархии, вхождения в Евросоюз и так далее.

Здесь мы подходим к одному из самых принципиальных моментов нашей книги. Складывается такое убеждение, что ни в одной экономической теории не описывается процесс создания принципиально новых инфраструктур и институтов, но в лучшем случае анализируется возможность употребления уже созданных инфраструктур, с последующей автоматизацией, технологизацией мыследеятельности в контуре построенных инфраструктур. Но если считать, что основной источник богатства связан, прежде всего, с долгосрочным созданием принципиально новых инфраструктур, то именно построение подобных инфраструктур определяет и вопросы войны и мира, и вопросы получения нового богатства и формирования новых типов собственности. Более того, фундаментальные философские вопросы развития мышления связаны с подготовкой человечества к освоению и созданию инфраструктурных проектов нового уровня на основе деятельности специально проектируемых институтов. Именно при проектировании и формировании новых инфраструктур различие реальности и действительности, или, говоря другими словами, реальности и фантомов воображения, как называл действительность мышления и сознания Побиск Кузнецов, становится весьма важным и насущным вопросом.

Именно так, экономическая теория, изучающая влияние имеющихся и новых знаний на экономику, только возникает. Это *когнитивная экономика*, созданием которой занимаются Сальвадоре Ризелло и его коллеги из Турина. Близкие идеи были изложены несколько лет назад в моей статье «Пролегомены к инфоэкономике».

Действительно, все, что производит экономика, сначала было изобретено и хранится в общественной памяти в виде знания. Если живая природа воспроизводится на основе информации в генокодах, то мирсистемы воспроизводятся на основе знаний, хранящихся в общественном сознании. Это знания о том, как следует организовать материю, чтобы получить нужное изделие или элемент инфраструктуры. Сложность изделий возрастает с развитием общества. Эта сложность может быть измерена в байтах. Можно посчитать сложность каменного топора и сложность микропроцессора, например.

Если мы посмотрим на общество, как на целостную самовоспроизводящуюся систему, то заметим, что естественным биологическим путем воспроизводятся только люди (заготовки людей), одомашненные животные и растения. Идеи устройства этих объектов хранятся в ДНК, преобразование окружающей материи в организацию их тел происходит за счет комплекса биологических процессов.

Все остальное, необходимое для воспроизводства общественной системы хранится в виде социальной информации, распределенной в общественном сознании, в том числе, информация, необходимая для социализации – то есть, изготовления человека из биологической заготовки путем обучения и воспитания. Знания о том, как строить дома, дороги, как делать поля, как и какие растения сажать, как обращаться с домашними животными, как делать машины или котлеты – все хранится в виде разнообразных типов

информации в сознании миллионов людей, специализированных в разных областях, в соответствующих текстах и чертежах.

Качественно расширенное воспроизводство социальной системы подразумевает создание новых устройств, организаций, новых людей, обладающих новыми специальностями или новыми моральными установками. В исторической гонке выигрывают общества, которые быстро и безошибочно создают новое.

Можно заметить, что государство тем богаче, чем большая часть производимой им продукции является принципиально новой и сложной. В международном обмене с давних пор золото меняется на стеклянные бусы, нефть – на микропроцессоры, сделанные из кремния, валяющегося под ногами. Почему это происходит? Да потому, что бусы и процессоры не валяются под ногами, золото или нефть отдаются не за *материю* бус или процессоров, а за вложенное в них *знание*, за *организацию* этой материи.

Следовательно, одна из проблем нового цивилизационного проекта – это разработка подсистем, способных быстро генерировать новые сложные изделия. Но это не все. Я уже писал, что никакой свехмозг не способен предвидеть все последствия использования того или иного изделия обществом.

Поэтому, помимо «фонтана изобретений» новых изделий, необходимо иметь мощные фильтры, отбирающие лучшие изделия, необходимо всегда иметь несколько альтернативных типов изделий одного назначения. Только эксплуатация в многообразных жизненных условиях показывает в конечном счете, какие из изделий следует производить, а какие – свернуть.

Часто создается новый товар, который *кажется* привлекательным не только создателям, но и покупателям. Но, купив его, только в процессе эксплуатации (то есть, *движения организации* этого товара в реальном мире, столкновения этой организации с организацией других вещей и процессов) покупатель понимает, что «это была плохая идея». Но для сравнения на рынке должен быть другой товар, который, может быть, и не казался столь привлекательным, зато оказался удобнее в процессе эксплуатации, в процессе реального действия. Если бы мы в плановом обществе решили на одном из мысленных уровней отбора, что не следует тратить средства на производство второго товара, то так никогда и не узнали бы истину.

Однако я думаю, что возможно разработать модель планового общества, включающую случайный поиск и отбор нового – ведь на принципах теории вероятности планируется множество проектов и производств, включающих случайные процессы.

§ 9. Развитие промышленности в России и российский национально укоренённый капитал

Нам представляется, что именно с патриотических позиций российская экономика должна быть в меру открытой, для того чтобы получить возможность прямых сопоставлений и соотношений с западными предприятиями. При этом необходимо развивать весь набор промышленных предприятий, соответствующий всем уровням и типам технологических переделов, учитывая феномен закрывающих и открывающих технологий.

Беда в том, что при имеющемся количестве и качестве населения это невозможно. Все не потянуть; развивать можно только такое количество, которое вмещается в наш цивилизационный объем. Следовательно, имеется два варианта:

- иметь плохую закрытую экономику, зато полную
- иметь хорошую открытую экономику, которая является только частью более широкой мирсистемы

Есть, правда еще третий вариант, который реализуется в настоящее время – иметь плохую открытую экономику, которая удерживается за счет административного мухлежа и ограбления населения, но это уж совсем нежелательный вариант.

Другое дело, что после того как данная критическая технология заимствована, она должна быть изучена в системе фундаментальных научно-исследовательских институтов, с тем чтобы предложить альтернативные решения

В СССР было очень много этих «фундаментальных институтов», ну и что? Не изучили, и не предложили. Видимо, надо «что-то в институтах подправить», но что? Это одно из самых слабых звеньев книги. В ней очень часто упоминается о «прорывных технологиях» и так далее. Но в СССР на эти прорывные технологии затрачивались в десятки раз большие средства, но удалось их реализовать только на немногих направлениях. Необходимой массы инноваций не удалось получить.

Похоже, что советские ученые и изобретатели создавали новое в достаточном количестве, но большая часть из этого не внедрялась, и чаще всего внедрялось не то, что действительно лучше, а то, что удобнее принимающим решения. Решения же чаще всего принимались не из соображений мирового лидерства, а из соображений о том, как бы не получить неприятностей в случае, если рискованный проект не удастся осуществить.

Следовательно, проблема состоит в изменении механизмов принятия инновационных решений – но каким образом, об этом в книге как раз ничего ясно не сказано.

*Но возможность покупать на Западе собственность является огромным преимуществом при наличии серьёзных программ и планов перевооружения и развития **РОССИЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ**. Мы бы даже сказали, приобретение в собственность российской промышленной бизнес-элитой предприятий за рубежом дело государственное. Почему? Для подобного утверждения есть несколько оснований. Дело в том, что западные предприятия – это полигоны обучения менеджеров современным формам эффективного управления крупной собственностью. Важнейшей задачей в этой области было бы показать, что наши менеджеры могут более эффективно, повышая производительность и снижая издержки, управлять западными предприятиями.*

Дело не только в обучении формам управления. Дело в том, что в результате перенимаются и способы организации производственных предприятий, то, как они устроены, что является основой эволюции. Но только перенять эти новые способы организации людей и машин в производящие подсистемы общества недостаточно, это позволяет только догнать остальной мир. Важнее создать новые комбинации, еще более производительные, хотя отмеченный шаг является необходимым этапом.

Дж. Ривкин вводит в работе «Век доступа» (Age of access) понятие собственности, которое характеризуется как переход от владения к доступу. С точки зрения Дж. Ривкина, современные формы собственности определяются не столько

владением различными типами и формами недвижимости, сколько доступом к употреблению этих различных активов.

Действительно, если проанализировать современную экономическую реальность, понимаешь, что она в значительной степени сетевая, виртуальная. Еще в 1980-е годы я был удивлен, обнаружив, что одна из известных на рынке персональных компьютеров фирм имеет штат около сорока человек, производя при этом сотни тысяч компьютеров. Оказалось, что эти фирмы организованы совсем не так, как советские НПО, которые стремились иметь в своем составе полный цикл, включая пластмассовое литье, изготовление корпусов и даже метизов, в которых были заняты тысячи человек.

Имеется дирекция, конструкторское бюро и несколько человек обслуживающего персонала. КБ разрабатывает конструкцию, разводку печатных плат, иногда разрабатывает немногие заказные микросхемы. Изготовление плат заказывается другим фирмам, корпуса покупаются еще у одних, сборка поручается третьим, для реализации заключается контракт с разными дистрибьюторами. Таким образом, важнейшим оказывается разработка новой организации материи, а реализация ее может заказываться десяткам других организаций, таких, например, которые только и умеют, что делать печатные платы – но умеют это делать действительно хорошо.

С точки зрения теории систем, оказывается, что для создания того или иного товара образуются целостные производственные системы, собранные из элементов, принадлежащим разным собственникам, к которым инноватор должен получить временный доступ через сети контрактов, знания о ресурсах и активах, технологической и коммерческой информации. Инноватор должен знать, кто, где, что делает лучше и дешевле всех. Должен иметь доступ (временное право использования) этих активов. Вероятно, важны доверительные отношения с держателями активов. Эти временные системы должны создаваться за считанные дни и могут существовать от нескольких месяцев до двух-трех лет, учитывая короткие циклы жизни современных товаров. Это общий «трансформерный» принцип организации жизни, который можно понять, как перспективу, исходя из того, что движение идей в материи все ускоряется, превращая экономику в подобие детского конструктора.

В Московском методологическом кружке в 1970-е годы была разработана особая единица организации деятельности, позволяющая описывать строение систем практики на иных основаниях, нежели чем отрасль. Эта единица получила название сферной формы организации мыследеятельностных процессов. Всякая сфера мыследеятельности представляет собой соорганизацию шести процессов – производства, воспроизводства, функционирования, развития, захоронения и ОРУ (организация, руководство и управление). ...Можно совершенно чётко утверждать, что развитие всегда так и происходило, когда в определённой сфере практики начинала развиваться какая-то функция другой сферы практики. Например, в рамках инженерного дела Ecole Polytechnique, основанного на методологии Гаспара Монжа, развивались новые подходы к искусству фортификации. И крупные российские частные фирмы должны быть организованы как полисферы мыследеятельности.

Собственно, в предыдущем абзаце я отмечал, что бизнес-процесс в современной рыночной экономике именно так и организован; они только не знают, что занимаются «мыследеятельностью» и строят «полисферы», как Журден не знал, что разговаривает

прозой. Тем не менее, приемы организации мыследеятельности, выработанные ММК, могут быть применены в организации бизнес-процессов и коллективного принятия решений. Еще более перспективной представляется разработка специальных компьютерных программ коллективной работы, в которые «вмонтирована» логика организационно-деятельностных игр, разработанная в ММК. Особенно интересным представляется совмещение идей ОДИ и СМД, разработанных в ММК с концепцией «нейросоца» И Бощенко.

Основная идея формирования новых фирм должна состоять в том, чтобы объединить в своём устройстве европейские и азиатские предприятия, например, французскую фирму, русский завод и китайский сталелитейный комбинат; немецкое предприятие, русское и индийское. Подобный новый тип предприятий необходим для того, чтобы внутри образовавшейся фирмы возникла функция технологического трансферта – прорывных опережающих технологий из Европы в Азию.

Основной смысл инноваций состоит в том, чтобы сделать новые физические принципы и способы деятельности, за которыми стоят новые концентриально-космические эффекты, предметом общественной проработки и коллективного освоения.

Да, но как я уже отмечал, современная тенденция (аутосорсинг) состоит в том, что все эти соединения становятся временными, созданными под конкретный проект. Поэтому перспективным следует считать создание баз данных и знаний, создание специальных коммутирующих организаций, которые дают заказчику информацию о всех возможных комбинациях производственных активов на Евразийском континенте, о возможностях каждого из активов, о способах их использования и организации взаимодействия.

С точки зрения динамического идеализма, создание такой среды, способствующей движению и отбору производственных метаконструкций, непременно должно привести к ускорению экономической эволюции в регионе внедрения.

В условиях перевооружения производств, создания новых отраслей деятельности величайшей национальной ценностью становится фундаментальное общее образование, являющееся условием горизонтальной мобильности, позволяющее людям включаться в промышленные производства нового техно-социо-культурного уклада. Именно в настоящий момент Россия может перехватить у Америки инициативу на выдвигание и реализацию «сумасшедших» метапроектов, которые никому не принадлежат и являются своеобразной ничейной собственностью, свободной землёй, притягивающей пионеров и первопроходцев. Именно Россия для промышленного национально укоренённого капитала может стать местом выдвигания и проработки глобальных мировых инфраструктурных проектов развития.

Экономика вообще – это подсистема человеческого общества, занятая производством всего искусственного, производством артефактов. Это производство вещей, таких, как молоток, компьютер или сапоги. Если смотреть на общество, как целостную систему, то окажется, что артефакты – это необходимая часть этой системы. Общество не может существовать в своем качестве без артефактов; появление качественно новых артефактов (паровой машины или телефона) изменяет общество. Однако не только единичные вещи производятся искусственно и являются частями

социосистемы. Такие объекты, как поле или дорога, также производятся искусственно, и необходимы для нормального функционирования социосистемы. Помимо того, что общество – целостная система, оно еще и самовоспроизводящаяся система. Люди производят новых людей известным биологическим способом, который не относится к экономической деятельности, как принадлежащий более низкому интегративному структурному уровню - биологическому. Но уже деятельность по обучению возвышается над биологическим уровнем, являясь внедрением искусственного в унаследованную от предшествующей эволюции форму организации материи.

Очевидно, нельзя провести четкую границу между экономикой и не-экономикой. В какой момент формирование человека (социализация) из воспитания становится образованием? Также и формирование организаций является деятельностью по воспроизводству социальных структур, но чисто экономическую форму эта деятельность принимает только в виде консалтинговых фирм, продающих услуги по совершенствованию структуры других организаций.

Помимо воспроизводства уже ранее изобретенных структур и артефактов, важнейшей частью экономики (смыкающейся с наукой, творчеством, изобретательством) является создание ранее не существовавших схем, *идей* артефактов и способов устройства человеческих организаций и общества в целом.

Абсолютная экономика – это деятельность по изменению организации, устройства общества, как целостной системы, начиная от таких малых изменений, как изготовление каменного топора, и кончая такими, как изменение государственного устройства. В этом смысле Запад совершает экономическую деятельность, преобразуя экономику Китая и пр., реорганизуя человеко-машинные системы в других странах. В принципе, создание новых организаций из людей носит тот же характер внедрения идей в материю, что и создание новых машин из железа и пластмассы, отличаясь большим масштабом и сложностью.

Это процесс создания прибавочной стоимости, причем очень рентабельный. Россия может делать то же самое, но *на своей территории, создавая новые общества*, по-новому организованные системы из людей и машин.

Следует отметить, что Стратегическая Оборонная Инициатива была разработана Линдоном Ларушем как средство противостояния промышленного капитала финансовому, обеспечивая возможность разработчикам новых технологий за счет запуска новой научно-промышленной революции вырваться из цепких рук финансового капитала.

Любопытная интерпретация. Получается, что и в США, и в СССР существовали мощные противоборствующие внутри страны группировки, которые могли идти на сотрудничество с группировками во враждебном государстве в поисках союзников против своих внутренних врагов. Это опять же сетевая идеология, когда реализация политического проекта, сценария, движется как бы сама по себе, используя подходящих людей и их коллективы, независимо от государственной принадлежности, вроде того, как реализация технического бизнес-проекта движется, используя предприятия независимо от их принадлежности тем или иным собственникам.

Должна быть выдвинута «сумасшедшая» идея – новая система производства и новый техно-промышленный уклад

Подумаем еще раз над тем, что такое экономика. Общество – это сложная холическая система, состоящая из биологических элементов (люди, культурные растения и животные) и элементов искусственных (машины, здания, транспортные и энергетические сети и т.д.) Воспроизводство биологических элементов идет естественным способом; воспроизводство всех искусственных элементов – это дело экономики. Это самовоспроизводство организации из окружающей материи.

Доля искусственного в социосистеме с исторической эволюцией возрастает. Очень быстро возрастает сложность искусственной части, количество необходимой для воспроизводства информации. На развитие систем производства можно смотреть с точки зрения того, насколько производительно они преобразуют окружающую материю в тело социосистемы. Причем дело здесь не только в количестве материи и энергии, которыми располагает социосистема (как считал П. Кузнецов), но и в количестве информации, внедряемой при производстве в материю.

Именно поэтому микропроцессор стоит примерно столько же, сколько велосипед, на производство которого затрачено намного больше энергии и материалов. Качественно расширенное воспроизводство, помимо внедрения готовых идей в материю, требует *создания новых идей*. Для этого необходимо иметь мощные механизмы создания и отбора новых идей – то есть, конструирующие системы из людей и машин, быстро перестраивающиеся производственные системы (организованные, скорее всего, на сетевых принципах).

Следовательно, упор должен быть сделан на трех подсистемах:

- мегамшины генерации инноваций (новых идей)
- модульные сетевые производственные системы, способные за несколько часов создать комбинацию для производства новых изделий
- чувствительную среду отбора реализованных инноваций, которая принимает инновации в социальный (в том числе, воспроизводящий) организм и позволяет быстро отделить удачные инновации от неудачных.

Последняя подсистема самая концептуально сложная. В рыночном обществе эту роль выполняет рынок. Он имеет свою скорость реакции. Люди и их организации должны применить инновацию в своей жизни и деятельности и понять, действительно ли она хороша. Люди и организации могут заблуждаться и цепляться за какую-то систему инноваций, но, применяя их, они окажутся менее эффективны, чем другие, и в конечном счете покупатели предпочтут более дешевые или качественные изделия от других производителей. Но на эту реакцию требуется значительное время. Можно ли ускорить процесс отбора, применяя какую-то специальную социальную систему отслеживания тенденций, которые еще не успели проявиться в рыночном стихийном процессе?

После того, как мы наметили некоторые твердые институциональные основы систем монтажа и перевооружения промышленности в России, необходимо еще раз подчеркнуть, что самое важное – это реорганизация сознания и появление носителей нового социокультурного и техно-промышленного уклада. Для этого каждый раз необходимо формирование из носителей нового уклада буквально своеобразного кипящего слоя вокруг фрагмента промышленно-производственной системы. Подобные техники изменения и преобразования устаревших систем производства известны и начали применяться в России. Это, во-первых, система ВКУ (иностранная аббревиатура – TQM) – система всеобщего качества управления, техника статистического контроля за

процессами, лаборатория изменений («чейндж лэб»), предложенная финскими коллегами, и, наконец, организационно-деятельностные игры (ОДИ), на основе которых можно моделировать и дальше в имитационном режиме осваивать новую среду организации инновационных процессов, развивая кадры, способные осуществлять подобные процессы.

§ 10. Образование для Евразии

...требование Побиска Кузнецова: всякий отрезок времени, на протяжении которого человек не занимается творчеством и не работает с идеями, он напрасно тратит духовную и солнечную энергию, отпущенную ему природой и Богом.

Действительно, если оценить с этой точки зрения современные цивилизации, они очень неэффективны. При современном коротком рабочем дне большинство людей десятки часов в неделю заняты совершенно бесполезным времяпровождением. С более абстрактной точки зрения, действительно, энергия, отпущенная природой на эволюцию систем, в том числе социальных, расходуется зря.

*Задача настоящего, подлинного образования нацелена на решение проблемы бессмертия и обретения спасения. Видимо поэтому в слове «образование» заложена смысловая программа слова «образ», поскольку человек создан по образу и подобию Божьему – великий христианский принцип *imago Dei*.*

С моей, сильно гегельянской точки зрения, образ Божий – это процесс, в формировании которого участвуют (обязаны участвовать) все цивилизации Вселенной. Обучая, люди никогда не создают точную копию учителя. В учениках каждое поколение умудряется превзойти (в каком-то смысле) учителей. Иначе невозможно объяснить движение общества вперед (пусть не моральное, но познавательное).

Человек может мыслить, не думать, не специализированно вычислять, а именно мыслить только в том случае, если он осуществляет стяжание Духа Святого.

Вот именно, стяжание. Не повторение, но поиск и обретение.

Но данный подход предполагает, что у каждого человека может быть инициировано желание мыслить, стремление стать мыслителем. И затем, проводя ребёнка через ситуации решения проблем и задач, в нем можно культивировать способность мышления. Подобный подход предполагает немислимую вещь – вся нация при внедрении данного метода в образование может быть превращена в нацию мыслителей!!!

Но будет ли это тот же народ? Или это раскрытие народа, как из куколки возникает бабочка? А конфликт поколений, который неизбежен в данном случае? Возможно ли «похищение детей» у целого народа? Это вопрос, о котором напряженно думали Стругацкие, что отразилось в таких произведениях, как «Гадкие лебеди», где «мокрецы» уводят детей, или «Волны гасят ветер», где в результате мутации от человечества

отделяются людены, сверхлюди, относящиеся к обычным с снисходительностью молодых здоровых ребят по отношению к престарелым, впадающим в маразм, родителям.

Предприниматель – это особым образом организованный человек, способный в любых условиях инициировать осмысленное социальное действие, а не ждать пассивно решения властей, предоставляющих ему особые полномочия. Занятие предпринимательской позиции связано для нас с реализацией принципа, про который в своё время постоянно говорил Г.П. Щедровицкий – «самоорганизация саморазвития самодеятельности».

Проблема организации нового состоит в том, что это создание целостных систем. Ученые и специалисты могут действовать в своих областях на основе более или менее точных, апробированных знаний. Предприниматель должен действовать, синтезируя многообразные сферы – например, при организации производства нового электронного изделия, нужно оценить потребность общества в данном изделии (самое сложное), организовать людей для производства, решить финансовые проблемы, организовать специалистов для согласованного решения производства механических, электрических, химических, оптических и прочих компонентов.

И все это, не разбираясь самому в тонкостях всех деталей, будучи вынужденным полагаться на мнение специалистов, ухватывая только некоторую часть их объяснений. Поэтому предпринимательская позиция – это позиция конструктора целостных синтетических систем, самая сложная позиция в обществе.

Но свободная предпринимательская позиция в России возникает не на пустом месте. Она появляется в ситуации разрушения и разграбления бывшего советского производства. И человек, решивший стать предпринимателем в подобных условиях, попадает в достаточно трудную ситуацию. Он, с одной стороны, должен поддерживать функционирование фрагмента советской производственной системы, который он либо захватил, либо получил в силу должностного положения, либо ему удалось его выкупить и удержать. Кроме того, он должен построить процесс воспроизводства систем, обеспечивающих осмысленное использование данного фрагмента производственной системы: кооперативных (поставщики, смежники и т.д.), бытовых, финансовых. Но мало этого, – если он хочет, чтобы продукция его предприятия была конкурентоспособной, он должен повышать эффективность своего производства, непрерывно снижая издержки, повышая качество производства и процессов управления им, либо покупая новые технологии, либо заказывая их создание разработческим научным институтам. Вот, поистине, обилие деятельностных задач, которые должен решать человек в предпринимательской позиции.

Эту соорганизацию производственных комплексов необходимо производить с использованием нейросетевых методов и методологии организационно-деятельностных игр. Умственные способности одного человека становятся явно недостаточны в современных условиях; способ решения – создание «коллективного предпринимателя», метод решения – организация процессов коллективного мышления, принятия решений. Основа – разработки ММК, Г.П. Щедровицкого, идеи Ю. Хабермаса о коммуникации в обществе, современные методы менеджмента, в том числе с использованием компьютеров и информационных сетей, организационного обучения, коммуникативного планирования.

Ограничая себя зеркалами традиционных сознаний, в которых представлены языковые системы, религиозные и мифопоэтические традиции, участник межкультурного диалога вынужден раскрыть в себе следующий уровень способностей, позволяющих ему укорениться на платформе Евразийского всечеловечества. Безусловно, мы заинтересованы в том, чтобы русский человек, вступая в этот диалог, остался русским, китаец китаец, индус индусом и т.д., осуществляя самоопределение в соответствии со своей этнической, языковой, конфессиональной принадлежностью, сохранил свою культурную идентичность.

Очень хорошо сказано, хочется только еще раз отметить, что культурная идентичность – это неразрывность процесса, в котором китаец династии Хань или русский холоп костромского князя превращаются в современных людей. Если взять периоды еще больше, то видим и исчезновение культурных идентичностей, и возникновение новых на основе слияния и расщепления старых. Где древляне и прочие кривичи? Слились в русскую идентичность.

Можем ли мы утверждать однозначно, что не будет изобретен новый евразийский метаязык, дающий говорящему как возможность по необходимости использовать слова-модули, подобно английскому, и скреплять их окончаниями и приставками, подобно русскому? Что на основе слоистого проникновения цивилизаций не возникнет небывало широкая евразийская культурная идентичность? Элементы процесса давно явственно наблюдаются. на протяжении всего XX века. Если раньше культура народности вмещала очень небольшой спектр литературы, одежды, пищи, то теперь самый средний человек читает и японского, и аргентинского автора, может любить итальянскую пиццу и русские пельмени.

§ 11. Патриоты должны взять власть! Советы постороннего

Основная проблема того, что сегодня есть в США, и чего нет в России, – это наличие интеллектуального лидера и интеллектуальной оппозиции, способной сформировать другой тип политического лидерства и политической мыслительности – политического мышления, политической коммуникации, политического мышления, политической рефлексии, политического понимания и воображения. Выдвигаемые стратегические цели в силу их реалистичности должны реально определять единственно возможный способ продвижения России в будущее.

Лидер создается движением, интеллектуальным движением осознающих себя масс. Массы должны сформироваться, разделится на группы интересов, должен пройти процесс осознания этими группами самих себя и уже на основе этого процесс не индивидуального, но группового осознания других групп. Должен пройти процесс поиска компромиссов, определения союзников и врагов среди этих групп. Не может быть лидера у броуновского движения; вот когда в газе оформятся течения...

Процесс этот идет довольно быстро, особенно в образованных слоях, читающих политическую литературу и имеющих доступ к интернет. Из этих слоев выработанные там мнения распространяются в более широкие слои. Человек – лидер должен проникнуться идеями этих групп, уловить тенденции. Но для этого идеи и тенденции

должны оформиться, чему современная власть никак не способствует. Напротив, самоосознание топится в потоках бессмыслицы, заполняющих масс-медиа.

Поэтому проблема лидера – это не только и не столько проблема создания личности, сколько проблема создания социальных общностей и формирования тенденции к осознанию своей миссии всем народом.

Проблема политического лидера в России – это, прежде всего вопрос особой политической пайдеи (педагогического воспитательного процесса), изменения стиля и способов мышления значительных групп населения.

Вот именно; лидер может только яснее других осознавать и формулировать то, что рождается в общественном мышлении и, сформулировав это для всех, ускорять оформление этих стилей и способов.

Патриотическая оппозиция не желает восстановления Советского Союза, которым руководит Коммунистическая партия, не желает восстановления социалистической системы просто потому, что это невозможно. Восстановление социалистического государства невозможно, поскольку мир стал не тот.

Не говоря о том, что еще вопрос, в каком смысле эта система была «социалистической». Еще важнее то, что должны были существовать важные причины падения этой системы; зачем восстанавливать то, что уже один раз упало? Важнее разобраться, наконец, в причинах падения. Предательство – не причина; почему они сумели купить (в самом общем смысле) наших, а не мы не сумели купить их руководителей?

§ 12. Консциентальная безопасность: фактор региональных трансграничных идентичностей. Интеллектуальный трансферт России в АТР

Мир в XXI веке вступает в новый период космоцивилизационных переработок.

Вызов состоит в следующем: либо присутствовать в каждой точке земного шара с проектом созидания, альтернативным финансовому капиталу цивилизационной системы США, либо не существовать вообще. Речь идёт не о троцкистском проекте экспорта перманентной революции, но о других духовных и одновременно технологических принципах, которые можно реализовывать с позиции России в любой точке земного шара.

В этом случае мы имеем весьма непривычную для классической геополитики точку зрения. Территории государств, в соответствии с нашим взглядом, перестают восприниматься как сплошные среды, проникновение на которые недопустимо со стороны других государств. Наоборот, это проникновение приветствуется и начинает рассматриваться в качестве важнейшего параметра международного сотрудничества. ... если другое государство формирует свой градиент проникновения на основе достижений своей культуры, новых технологий, профессиональных знаний, новых форм организаций и институциональных структур, то закрыться и спрятаться от подобного проникновения невозможно и преступно. Более того, это приведет к тому, что страна будет обречена на прозябание и отставание. ... Страны в глобальном измерении и с

точки зрения глобальных геополитических взаимодействий перестают выступать как заполненные сплошные среды. ... При этом любая страна, а не только пресловутая империя, заинтересована и имеет права присутствовать в любой точке земного шара.

Но тогда возникает вопрос – а в чем же победа? Смысл победы, как победы страны, государства, исчезает. Политический захват пространства, захват людей более не имеет значения. Победа только духовная, в смысле Гегеля – снять и творчески преобразовать чужую культуру, перконфигурировать ее в новый синтез, высший, чем старый. Культурно и проектно захватить людей на чужой территории, включить их в свои сети коммуникации и создания нового знания, в свои сети хозяйственной деятельности.

Вот какие величественные и одновременно угрожающе непривычные контуры будущего возникают из данного рассмотрения. Если уж идти до конца, то исчезает смысл страны, как государства и географического образования, и приобретает решающий смысл культура, цивилизация, как образ мысли, который может овладевать людьми и через них формировать потоки материи на других континентах и в других политических системах.

§ 13. Миссия России и задачи государственного строительства

Группа, собранная и выделенная Путиным из различных сотрудников администрации Смольного и ФСБ, создала еще одну доходную частную фирму – корпорацию управления бюджетом. Поэтому основной результат деятельности Владимира Путина может характеризоваться как осуществление самой важной приватизации – приватизации государства.

Политика Путина именно потому устраивает большинство, что не только обещает всем, чего они хотят, но и в действительности позволяет разным группам населения двигаться в различных направлениях, одним – строить коммунистические воздушные замки и ругать олигархов, другим – кому зарабатывать, а кому присваивать миллионы, экспортируя сырье, третьим – просто жить, строя свое маленькое благосостояние в виде квартиры, машины, дачи. Еще кто-то учится, рассчитывая найти работу на Западе, кто-то занимается наукой, самой разной политикой, кто-то занимается российским бизнесом. Все движется в разных направлениях, Россия расплзается в смысловом пространстве.

Подобная работа с правом предполагает его окончательное отделение от этики и системы естественного права (чувства исторической справедливости, правды), через которые «дышит» самосознание народа. Поскольку в существующей системе права не дается никакой правовой оценки приватизации, уничтожению целых областей производства, демонтажу СССР, разворовыванию бюджета и иностранных займов, произвольному увеличению внешнего долга, коррупции, финансовой контрабанде, умалению роли русского народа в государственном строительстве (эти сверхпреступные деяния выносятся за рамки анализа), то все оставшееся для рассмотрения является абсолютно произвольным и незаконным. Основные вероломно-преступные, разрушающие правопорядок и социальную организацию акты остаются вне правового рассмотрения и правовых оценок. Любая правовая система для своего укоренения должна стремиться к описанию всех событий, только в этом случае она претендует на утверждение справедливости в самосознании народа.

Важная мысль, хорошее право не может быть частичным. Если основополагающие проблемы не решены, то под сомнением оказываются решенные частичные проблемы. Правовые системы строятся, как и все в мире, в виде системы разворачивающихся интегративных структурных уровней, надстраивающихся друг над другом. Молекулы не могут существовать, если они построены из распадающихся атомов.

Законодательная система лишается своих основ, если не включает атомарные, простейшие натуральные принципы справедливости.

... основное убеждение самых широких масс населения состоит в том, что эффективная жизнь в России строится не в соответствии с правом. И за этим на наш взгляд стоит не пресловутый правовой нигилизм, о котором так много говорят либеральные политики и философы. Существующая конструкция права специально организована таким образом, чтобы отрезать ее от самосознания народа, и, следовательно, естественного права.

Собственно, это часть российского менталитета. Если у простого человека случается правовая коллизия, что он делает? Бежит искать знакомых, потому что свято уверен – все дела решаются «по благу». Не будет ли разрушение этой системы нарушением «цивилизационной идентичности»?

Собственно, зачем нам нужна власть закона? Не из любви же к закону. Власть закона нужна ради эффективности работы социальной системы, поскольку решение ситуаций «по благу» очень медленно и требует больших транзакционных издержек, а хуже всего то, что в результате везде и повсюду формируются кланы, отрицающие экономическую эффективность. Усилия людей направляются на создание системы клановых связей, на нарушение равноправия, а не на равноправную конкуренцию изделий и деятельностей.

... ситуация принципиально непрочной законности превращает период первичного накопления в своего рода травмированное бессознательное крупного собственника.

И в этих условиях он бессилён перед властью, всецело зависит от нее. Как в 30-е годы, у всякого пишущего или управляющего можно было найти «ревизионизм» или еще какой «уклон». Следовательно, всякий был не прав перед «линией партии» и мог быть репрессирован. Так и сейчас, любой действующий предприниматель не прав перед законом и любой (по выбору власти) может быть репрессирован.

Это экономический сталинизм.

Инакомыслие в России не преследуется, но даже поощряется. Транслироваться по телевизионным каналам могут даже самые самые крайние позиции и экзотические точки зрения. Тем самым создается очень важная иллюзия доступа сознания обывателя ко всем существующим политическим взглядам.

И происходит диффузия течений общественной мысли, коллективного мышления.

Тем более следует учитывать мнение господина Л. Ларуша, что никакой модели развития мирового целого у западного общества не существует.

В этом и заключается сегодня важнейшая миссия России – предложить миру своеобразные чертежи сложного социокультурного развития, которое всегда начинается в одной или нескольких локальных точках и становится всемирноисторическим (глобальным) феноменом, развертывающимся на территории России и Евразии. Это видение российской миссии в корне отличается от идеи реализации разработок, которые якобы уже лежат в виде готовых технологических пакетов, равно как и от идеи восстановления устаревшей и обветшавшей промышленности, некогда функционировавшей в Советском Союзе.

Прекрасно! Но какой уровень мысли должен существовать для этого в русской культуре? И какой мы имеем, когда сегодня мы не в состоянии породить эти «чертежи социокультурного развития» для самих себя?

Вывод: прорыв возможен только через усиление, переорганизацию когнитивного процесса в самой русской культуре. Иначе мир посмотрит на нас с нашими проектами, как посмотрел бы миллионер на пьяного нищего соседа, который пришел к нему с предложением бросит свой бизнес и заняться реализацией великих и гениальных замыслов этого соседа.

§ 14. Интеграция России в Россию и этнонациональные проблемы

Именно в подобном образом открытом для новой цивилизационной переработки мире необходимо обнаружить и «открыть» прежде всего для самих себя основу российской цивилизационной миссии. Эта основа связана для нас прежде всего с двумя вопросами: с вопросом о сакральном стержне российской государственности, вокруг которого может вестись конфессиональный диалог народов России, и с вопросом о направлениях социокультурного прорыва. ...Мы полностью согласны с позицией О.И. Генисаретского, предполагающей полное разотождествление проблематики развития и экономического развития, освобождение всех ключевых смысловых фокусов этого понятия от незаконного «экономизма» и «экономизмической» идеологии. Внеэкономическое понятие развития предполагает выход за сложившуюся сетку счётности и таит в себе возможность порождения новых принципов счётности, то есть не подведение представлений о развитии под сложившуюся экономику, но порождение на основе категории развития многих новых экономик. ... Сакральная основа российской государственности состоит в том, что Россия, являясь священным царством, создавалась не для захвата других территорий и покорения всё новых и новых народов, но для обретения вошедшими в неё народами бессмертия.

Сначала я хотел поставить здесь три знака вопроса, но потом понял, что народам России через принадлежность к ней должен быть дан шанс на вхождение в Мировой Дух, в вечность, причем должно быть совершенно ясно, что без участия в строительстве России их шансы на бессмертие становятся намного меньше. Как через Россию стали всемирно известными эпосы «Калевала» и «Манас», многие писатели, поэты, ученые народов, населяющих Россию.

Поэтому сегодня проблема государственного целого – это проблема осуществления рывка – социокультурного, научного, инновационного.

Да уж, без рывка – только растворение в теплой плазме глобального рынка.

§ 15. Азиатская стратегия России

Это прежде всего вопрос о сегодняшней миссии России в изменившемся мире, что может быть обозначено как «Россия в глобальных процессах и мировой системе взаимоотношений государств». Собственно, с этим связан ряд еще противных, вредных вопросов, на которые надо отвечать. Первый вопрос: почему развалился СССР? Если не отвечать на него, то не понятно, куда двигаться, как вообще воспринимать то, что произошло. Второй вопрос: а кто, собственно, может и должен ставить цели развития страны, её поведения на мировой арене и определять доктрину, и как это делается? И, наконец, третий вопрос – это вопрос о том, какое будущее в этом глобальном меняющемся мире мы себе должны завоевать?

Цели развития может ставить лидер на основе синтеза знаний и устремлений, существующих в обществе. Поскольку эти знания и устремления взяты у общества, с одной стороны, и должны удовлетворять достаточно массивным группам поддержки лидера (иначе ему не удержаться), с другой, то они не произвольны и в достаточной степени заданы обществом.

Все это было хорошо в условиях простых социальных систем и соответственно простого управления ими. С развитием общества простые неструктурированные сети коммуникации в обществе стали недостаточны. Возникли специализированные коммуникационные среды у науки, политики, бизнеса. Возникли специальные издания, группы специалистов. Таким образом движется создание не универсального, а многостороннего обсуждения комплексных проблем.

С другой стороны, каждый человек есть какой-то уникальный специалист (пусть всего-навсего по водопроводным кранам) не только по данной специализации, но и по применению этой специализации на своем месте. Не нужно его спрашивать об термоядерных реакторах, но спросите его о том, что его касается, в его позиции на его месте. Он единственный эксперт по проблемам своего положения.

Самая комплексная проблема – это разработка траектории движения для всего народа. Как заставить весь народ участвовать в решении этой проблемы, как стимулировать его участие и какие ему для этого предоставить возможности – вот реальная проблема сложного движения в наше время.

Раньше это было невозможно, не было технических средств. Теперь, они, кажется, появляются. Надо решить еще теоретический вопрос доставки к каждой его части задачи и суммирования всех (часто противоречивых) ответов.

Идея «похищения Европы» заключается в возможности обнаружить периоды того, что происходило и случалось с Россией. Россия, находясь в результате предыдущего периода в некоторой определенной изоляции от центральных европейских событий, затем пытается принять участие в «европейском концерте» ведущих государств. Через какое-то время она очень основательно вступает в этот «концерт». После чего вызывает определенное неприятие и достаточно сильное противодействие европейских стран, в том числе и тех, которые пригласили участвовать её в этом «концерте». Это неприятие завершается нападением, агрессией на Россию.

Я думаю, эти волны связаны с тем, что периодически нарастает отставание России, и она пытается нагнать Европу, естественно, вступая с ней в сильные взаимодействия. Кроме того, концепция Цимбурского включает неявное предположение о том, что мир неизменен, что в нем все идет повторяющимися циклами. В действительности, особенно в последний век, происходит сильнейший рост социосистем, что изменяет геополитику. Кроме того, взгляд Цимбурского вообще очень «русскоцентричен», он видит все с одной точки. Достаточно вспомнить, что страны Европы ничуть не меньше воевали друг с другом и интриговали друг против друга, чем с Россией. Англия с Францией, Франция с Германией и так далее. Читая же Цимбурского, можно подумать, что все и всегда воевали только против России, интриговали только против нее. Так вот, страны Европы, которые враждовали тысячи лет, враждовали уже тогда, когда России еще не было, уже не воюют, и, более того, война между ними совершенно невероятна. Логика развития мирсистем (термин, предложенный Валлерстайном) ведет к тому, что необходимость сотрудничества России и Европы превысит вражду и противоречия между ними.

Мы приходим к выводу, что сетевые формы взаимодействия работы существовали и раньше, но основное их отличие заключается в принадлежности сетевых систем коммуникации узкому, избранному кругу, а именно: дипломатам, разведчикам и небольшой группе торговцев, которые включены в сетевые типы взаимодействий.

И дальше Достоевский пишет: «Почему существует такое неприятие русских европейцами? Потому что и языкам обучены, и прекрасно понимаем, что с Европой происходит, и можем историю европейскую пересказать. Но они ни нашей истории, ни того, как мы все это понимаем, ни понять, ни пересказать не могут». Вот такая своеобразная точка зрения прослеживается в дневниках Федора Михайловича.

Дык, эта. Это было до усвоения Европой того же Федора Михайловича, Толстого, Чехова, Бердяева, Гумиева, Солженицина, даже Зиновьева и Восленского, и т.д. Все они внесли огромный вклад в то, что теперь Европа уже понимает нашу историю и то, как мы понимаем их историю. Нельзя забывать, что мир меняется что есть История, надо видеть мир в процессе.

А это означает, что, в общем-то, игра-борьба начинает разворачиваться в другом квадратике, где одним из важнейших моментов является проблема: а можем ли мы трансформировать и менять идентичность, то есть форму самоопределения групп населения. Что это означает? Перевербовывать элиты, делать так, чтобы люди начинали размышлять: а они на самом деле сербы или они не сербы? Если у нас появляется доступ к этому ресурсу, то есть возможность трансформировать и менять идентичность.

Человек легко меняет идентичность в пограничной ситуации. Когда распадается общество. Бывшие графы становятся парижскими таксистами или командирами Красной Армии. Прорывные проекты будут требовать смены идентичности. Из неудачника, потерявшего работу советского инженера, превратиться – через угрозу гибели, как личности – в члена корпорации, прорывающей время.

1. *Азиатская стратегия России является условием субъектной политики России в мире. С Россией будут считаться как с самостоятельным политическим явлением, САМОСТОЯТЕЛЬНЫМ субъектом внешней политики, если она будет реализовывать азиатскую стратегию.*

2. *Азиатская стратегия России должна быть направлена на удержание масштаба развития Евразии.*

3. *Россия в этом случае должна предложить программу развития, трансферта институтов и технологий, которая может организовать и связать Францию, Германию, Индию, Китай, Иран и Корею.*

4. *Условием реализации азиатской стратегии России является человеческий потенциал её населения, включённый в межцивилизационные взаимодействия всей континентальной Евразии.*

Блестяще; но вспомним о том, где мы находимся сегодня. Как писал Жванецкий, все знают, как должно быть, все знают, что *так* быть не должно. Но как попасть отсюда туда, не знает никто. Как удесятерить человеческий потенциал населения за считанные годы? Только сверхусилия всего населения могут дать такой результат; но как подвигнуть население к этим сверхусилиям?

§ 16. Северный сценарий. Возможен ли он?

3) *Превращение Российского Севера в плацдарм осуществления цивилизационного развития, цивилизационного рывка. В этом случае Российский Север рассматривается как площадка для построения новой цивилизации. «Цивилизационное продвижение» или «Цивилизационный прорыв».*

Это один из центральных пунктов книги. Север, не только как «географическое место точек», но и как необходимость рывка, как цивилизационный вызов.

Концепция цивилизационного прорыва является весьма ответственным делом и предполагает размыкание границ России до всего мирового целого, поскольку цивилизационный прорыв предполагает приглашение к участию в его реализации представителей всех стран и всех народов. Цивилизационный прорыв оказывается возможен только при его экспертизе представителями всех цивилизаций, всех культур, самых разнообразных сообществ.

И, будем надеяться, книга Ю. Громыко послужит поводом для начала такой экспертизы.

Создание набора транспортных, телекоммуникационных инфраструктур, обеспечивающих связность всех точек Мирового Арктического Севера. Для этого необходимо восстановление круглогодичной навигации на Севморпути, а также проработка и запуск проектов транспортной инфраструктуры, соединяющей порты Северного морского пути и прибрежные районы. Развитие сети магистральных автомобильных дорог широтного и меридионального направлений, обеспечивающих доступность регионов Севера, а также целого ряда крупных международных проектов: «Воздушные трансполярные коридоры», «Северо-восточный проход»,

«Трансконтинентальная магистраль – соединяющая Северную Америку и Евразию через Берингов пролив». Часть из этих проектов разрабатывается в Институте экономики и ОПП Сибирского Отделения РАН.

Вполне разумный (хотя недостаточно безумный) набор мер. Возникает одно направление, которое позволит привлечь значительные средства. Дело в том, что в ближайшие десятилетия промышленное развитие Китая и Индии потребует огромных дополнительных ресурсов, особенно нефти и газа. Согласно данным разведок, произведенных еще в 80-е годы 20 столетия, огромные запасы энергоносителей имеются на континентальном шельфе России в Ледовитом океане.

Дальнейший рост цен на нефть и газ может привести к тому, что их добыча станет рентабельной и в столь сложных условиях. Развитие добычи на шельфе, в условиях Заполярья, требует решения сложнейших технических проблем. Это вызов, и самое важное, что он требует организации особых человеческих коллективов, которые и могут стать зародышами социальных прорывных проектов, предлагаемых в книге.

Формирование концепции новой среды обитания и нового жилища в условиях точечного обоснованного и продуманного освоения природных богатств и территории.

Речь идёт о выдвигении новой концепции поселения на Русском Севере, включающей и архитектуру жилища, и использование новых строительных материалов, и создание постоянных климатических условий, а также функцию новых создаваемых поселений

И новой организации сообществ, гораздо более целеустремленных, дисциплинированных, энергичных, чем расслабленные общества южных зон Евразии.

Третье направление изменения форм занятости мы видим в восстановлении искусства освоения Северных территорий. Новый этап освоения следовало бы назвать «От освоения территорий к освоению жизни на территориях». ... С этой точки зрения, Север является системой пилотных цивилизационных проектов, плацдармом освоения новых форм жизни наряду с дном Мирового океана, ближним и дальним космосом. Искусство освоения предполагает формирование исследовательской культуры, обеспечивающей получение новых знаний в процессе освоения данной территории.

Это, пожалуй, главное в книге. Цивилизационные проекты; надо совместить единство места, времени и действия. Время и место определены – русское заполярье XXI века. Направление действия тоже заложено – мутация русской цивилизации. Остается коллективно уточнить детали.

Север – основа российской идентичности (истоков идентичности). Российский человек скорее экстрематичен (живёт, мобилизуясь и побеждая в трудной ситуации), чем акмеологичен (живёт, «выпестываясь» и ожидая высшей точки расцвета). Российский человек живёт рывками, он – экстремал, а не «прозябающая дольная роза». Жизнь на Российском Севере напрямую связана с формированием особых мобилизационных возможностей российского человека. Освоение Севера, Сибири и вечной мерзлоты заложено в архетип сознания «жить в России». Уход с Севера равносильно полной смене самоидентификации и означает огромные гуманитарные социокультурные

издержки российской нации. Но дополнительно к этому Север – это плацдарм «знаниеёмкого» переосвоения Российской территории. Для того, чтобы увеличивать население, начинать что-то новое, необходимо иметь свободный плацдарм, куда можно переселяться и начинать всё с начала. У России есть Север, где новые эффективные формы жизни могут быть только наукоёмкими – такими, например, как освоение дна мирового океана, ближнего и дальнего космоса и т.п.

Совершенно верно; хотя возможно, что здесь распадётся на две ветви русская цивилизация. Более южная, традиционная, склонная к растворению в европейской. И новая, уже не совсем русская, мультиэтническая цивилизация на базе русского языка, экспансионизма и стремления слиться со всеми вовлечёнными народностями, цивилизация прорыва, независимости от окружающей среды.

§ 17. О ценности иного: опыт межкультурных контактов и взаимопонимания как ресурс трансрегионального развития

В структуре межцивилизационного диалога возникает не менее сложная, я бы даже сказал, во многом значительно более сложная задача, которую можно было бы обозначить межцивилизационным распредмечиванием. ...Происходит размывание, стирание идентичности или, назовем это немножко грубовато, цивилизационная перевербовка, когда указывается, что фактор идентичности – это не нечто устойчивое, что человек в себе носит биолого-генетически, а сложный социокультурный фактор, который может эродировать, размываться или наоборот укрепляться за счет введения особого типа факторов.

Да, именно, но при этом возникает вопрос ко всему содержанию книги – а что тогда такое «Русское государство»? Что такое «патриотизм»?

Но другой стороной измерения этого процесса является превращение культуры во что-то сувенирное, разрушение традиций и формирование огромных групп людей, которые на самом деле теряют свою идентичность. И эта сторона глобализации приводит к тому, что происходит слом достаточно многих групп, которые до этого были прикреплены к традиции и к культуре.

Европа как раз в настоящее время быстро усиливает идентичность, которая существовала и ранее – «европеец». На изделиях пишут «Сделано в ЕС», а не «Сделано в Германии», «Сделано в Италии». Значительная часть жителей ЕС уже считают себя в первую очередь европейцами, и лишь во вторую – немцами или французами. Идентичность вообще многослойна. Можно считать себя сибиряком и русским, москвичом и русским, питерцем и русским – а, согласитесь, это разные идентичности.

Можно, например, утверждать, что – здесь я, возможно, вступаю в спор с определенными православными кругами – никакой в этом смысле проповеди и предъявления христианских ценностей не произошло. Есть масса попыток, есть огромная литература про межконфессиональный диалог христианства и буддизма... при вступлении во взаимодействие с японцами, китайцами... Как эта определенность, например православная и христианская, оказывается представленной в структуре

взаимодействия с носителями другой культуры или в том же самом моменте организации и постановке театрального действия?

Конечно, в овладении сознаниями этих людей, в прозелитизме, который имеется во глубине всякой религии, хотя внешне она может отрицать это. Религия должна помочь человеку осознать себя на своем месте в мире. Но мир меняется, и та религия, которая подходила людям примирить себя с миром 300 лет назад, теперь может не подходить к новому миру. Люди тоже меняются и хотят новых мест...

Критерий Георгия Петровича Щедровицкого состоит в том, что правильно проведенная ордеятельностная игра – это изменение человеческой судьбы.

Судьба... Траектория движения волн упорядоченности в материи из прошлого в будущее.

И вполне возможно, что в результате серьезной проработки и взаимодействия японской буддистской культуры и русской православной культуры может возникнуть как результат межконфессионального диалога особый тип поля, в котором могут рассматриваться ряд важнейших принципов организации сознания и анализа социокультурных проблем.

(а также русской и китайской, русской и индийской... а, в перспективе, с внеземной. Чтобы понять иной разум, необходимо уметь «распредмечивать» культуры и собирать их обратно. А искусственный интеллект? А эскапистские цивилизации?)

Соединение энергии возникает только в том случае, если у нас с вами в диалоге есть проявление энергий. Тогда мы можем определять, а будет ли у нас синергийный контакт. И там дальше много вещей есть. Например, – синопостасность. Может оказаться, что личностная форма у нас будет возникать как усиление взаимных ипостатностей – не сотворённых благодатных личных начал в этом диалоге. И синикония. Оказывается, что у нас может быть общее визуально-идеальное пространство. Потому что мы будем видеть в мире общие схемы («эиконы»). Ну и так далее. Но все это происходит после того, как в нас с вами вдруг забил энергийный ключ, и мы удерживаем агональность нашего взаимодействия.

Очевидно, проводится аналогия с цивилизациями. Поиск общих смыслов, взаимное усиление.

Ячин: *Вы рассмотрели распредмечивание при переходе от предметных смыслов одной культуры к неким общим рамкам. Но вы сами сказали, что процедура опасная и на ней никогда нельзя останавливаться. Под другими названиями распредмечивание используется в любой психотерапевтической практике. И известно, что многие люди застревают на этой стадии. Например, люди просто заканчивают самоубийством, потому что не нашли новый предметный смысл. По моим наблюдениям такова судьба многих участников ОДИ, то есть они застревают на этих вещах и так далее.*

Не «распредметили» ли мы Россию в процессе революций и перестроек? Застряли на этих вещах.

§ 18. Россия в ситуации необходимости определения собственной цивилизационной миссии

В настоящий момент Россия попадает в очень сложную ситуацию. Мы впервые должны определиться: встраиваемся ли мы в западный мир, от которого ещё 15 лет назад были отрезаны железным занавесом, или строим на основании уже освоенных принципов и заявленных ценностей свой вариант и своё видение цивилизации, соразмерной и соотносённой с другими цивилизациями: исламской, южно-тихоокеанской, англо-американской, единоевропейской и т.д. ...Таким образом, вопрос заключается в следующем: до какой степени нам надо отождествляться с Западом, и где мы должны очень чётко сказать, что мы уже давно не коммунистическая страна, строящая свой мир-экономику, способную взаимодействовать с другими мирами-экономиками.

А почему не с Востоком? Здесь Громыко проговаривается – дело в том, что никакого «Востока», как альтернативной мирсистемы, нет. Есть «навсегда отставшие» азиатские страны, способность которых к модернизации своим, незападным, путем пока остается гипотетической, есть Китай и Япония, модернизация которых, необходимая для самостоятельного существования в современном мире, происходила и происходит путем заимствования западной науки, западных технологий, путем переустройства экономики на западный рыночный, конкурентный, манер, хотя это и наносит жесточайший удар по национальным идентичностям. Хорошо бы, конечно, для национального самосознания, найти свой путь построения не менее эффективной экономики на других, нерыночных, принципах. Собственно, этим и занималась Россия, как системная основа Советского Союза. Не вышло. Почему? Ответ, основанный не на каком-то научном анализе, а на убеждении большинства (но не всех) экономистов – отсутствие конкуренции. С другой стороны, именно бесполезное расходование энергии общества в конкурентной борьбе и ставили в вину рыночной экономике Маркс и Ленин. Легко видеть, как конкуренция связана с западным индивидуализмом и частной собственностью. Частная собственность одной из своих важнейших функций имеет право на управление, право на изменение принадлежащих личности средств производства, то есть, на эволюцию производственной системы общества в соответствии со своими личными моделями желательного будущего. Если же сюзереном является все общество, в том или ином варианте распределения среди составляющих общество личностей прав на участие в принятии решений, то реальная конкуренция невозможна. Невозможно конкурировать с самим собой. То же самое с многопартийностью. Поэтому принятие рыночной экономики и политического плюрализма является шагом к изменению цивилизационной идентичности.

Проблема состоит в другом: какой проект развития мы собираемся реализовать вместе с другими государствами. Мне кажется, что он очевиден. Самим своим географическим положением Россия, являясь евразийской державой, обречена на роль моста между Европой и Азией, формируя единое интегрированное пространство от Лиссабона до Бомбея и Иокогамы. Идея евразийского сухопутного моста, которую

высказывали в виде частных мнений отдельные политики, так и не была обобщена и превращена в реалистичную программу.

Но не просто мостом, как транспортным коридором. Мостом – полигоном, на котором происходит синтез культур, множества вариантов культур.

§ 19. Стратегические горизонты проектного сознания

Если двигаться чисто формально, то в названии этой главы есть три основных анализа: проблема проектного и проектности; проблема проектного сознания и проблема стратегии. ...Чаще всего под всем тем, что называется проектным менеджментом или куда входит слово «проект», понимается плохо отрефлектированный «мешок» работы, куда заносятся всё и вся, так что ответить на вопрос, что такое проект и проектирование, совершенно невозможно.

Действительно, пытаясь разобраться с тем, что такое «стратегическое планирование», я первым делом попытался найти что-то вроде «общей теории планирования». Сработали предрассудки физико-математического образования. Перерыв все библиотеки и интернет, я с изумлением обнаружил, что никакой «теории планирования» вообще нет, однако это ничуть не огорчает специалистов по «стратегическому планированию». Впрочем, нет же «общей теории истории», а историческая наука есть, так что не следует лезть в чужой монастырь со своим уставом.

Однако, если с какого бока можно подобраться к «общей теории истории» мне не понятно, то подход к общей теории планирования мне кажется довольно очевидным. А именно, если мы смотрим на движение Вселенной, как на эволюцию систем, то проектирование – это создание моделей будущих систем, или мысленная эволюция.

Однако всякая модель – это тоже система, в важных для нас отношениях изоморфная оригиналу. Как же мы проектируем или создаем модели желательного будущего? Мы рисуем эскиз дома или машины, предварительно представив его в уме. Зачем мы рисуем? Потому что оперативное сознание не в состоянии удержать все подробности; нам приходится сосредоточить внимание, например, на крыше и прорисовывать ее детали, затем на окнах с одной стороны дома, затем – на крыльце и так далее. Если подумать о том, какая система производит проектирование, то оказывается – система, состоящая из человека, карандаша и бумаги.

Человек без бумаги не может спроектировать что-то мало-мальски сложное, крепость или собор. Но весьма сложные объекты, например, крупный завод, один человек не может спроектировать вообще. Нужны специалисты во многих различных областях чтобы спроектировать такие объекты, как литейный цех, конвейер, цеха по производству пластмассовых и стеклянных деталей, электроники. Каждый из них в силу своего образования умеет строить модели в своих особых предметных областях. Но их модели должны быть согласованы между собой, должны взаимодействовать в проекте подобно тому, как будут взаимодействовать после реализации.

Таким образом, проект, картина желательного будущего существует в виде некой распределенной когнитивной модели, части которой находятся в сознании разных специалистов и в соответствующих документах, взаимодействуя друг с другом через коммуникацию между проектировщиками.

Но кто-то должен направлять, координировать работу множества проектировщиков. Не имея возможности знать все детали моделей конкретных специалистов, понимать общий смысл их проектов и согласовывать их. Важной частью координации является создание исходных стратегических установок для проектировщиков, задание общего направления проекта. Для этого важно знать мировые тенденции с тем, чтобы проектируемый комплекс не повторял уже построенное, а на шаг опережал их, иначе он наверняка устареет, пока строится.

Прожектирование имеет дело с вносимой вперёд некоторой картины и некоторого видения будущего. Профессионал в той или другой области может задать и представить на основании знаний всей той ситуации, в которую он погружен и в которой он находится, эту картину будущего.

То есть, представить модель будущего без своего воздействия, как если бы он был безразличен к будущему.

Мегамашина состоит из людей, где каждый выполняет определённую функцию.

И не только из людей. Попробуйте разработать проект не то, что общества будущего – хотя бы проект автомобиля, не используя бумагу и карандаш. Или компьютер с Автокадом. Общество - это и есть мегамашина, причем давным-давно. Притом не только мегамашина для физического действия, вроде охоты на мамонта или изготовления паровозов, но и для мышления.

Как только возникло разделение труда, так тут же возникло и *разделение мышления*. Потому хотя бы, что человек вынужден мыслить в процессе труда, а раз возникли разные области труда, возникли и разные области мысли. Люди, занимающиеся изготовлением луков и стрел, используют разные знания, мысленные модели и понятия по сравнению с людьми, занятыми выделкой шкур. По мере усложнения социосистемы, с возникновением тысяч специальностей, это разделение усилилось настолько, что люди, занятые в разных областях, не могут понять профессиональный язык друг друга вообще.

А ведь язык (включая внутренний язык мозга), как считают некоторые лингвисты и психологи, это и есть мышление.

Вследствие возникновения такого вавилона важнейшая роль принадлежит людям, способным понимать хотя бы частично, язык специалистов разного профиля, занятых в одном проекте. Если проект достаточно сложен, возникает иерархия, этажи людей, сначала понимающих совсем конкретных специалистов, потом людей, понимающих людей, понимающих людей, понимающих некие широкие группы специалистов, и, наконец, людей, понимающих посредников от всех групп, участвующих в проекте. Эти люди – руководители (предприниматели) и советники (философы, штабисты).

Но цивилизация – это так или иначе один общий проект несущих ее людей. Причем огромный, поэтому создание в нем многоуровневой сети "переводчиков смыслов", трансляторов идей, "понимателей", очень велика. В период быстрых изменений людям приходится занимать другие позиции в разделении труда и в социальном положении. Их жизненные смыслы меняются, и "пониматели" не успевают за изменениями. Сети разрушаются, общество перестает понимать себя и цивилизация начинает расплываться.

Пока эти сети не сложились вновь, цивилизация не может начать собираться в новые границы, поэтому в переходные периоды люди, склонные к пониманию, инстинктивно усиливают свою деятельность.

Заключение

Честно говоря, я не ожидал, что напишу так много. Чуть ли не еще одну книгу. Но, видимо, очень в точку попала эта книга, вызвав данные "резонансы".

Действительно – какого рожна людям надо? Если речь идет о материальном благополучии, об обеспеченной и культурной жизни народа, то зачем копыя ломать? Надо идти по проторенному Западом пути и не изобретать и делать паровоз сызнова. Тем более, что шансов сделать его лучше имеющегося не так и много.

Но вот хотят люди сделать по-своему. Не хотят пойти работать в фирму Иван Иваныча, а непременно хотят создать свое дело "с нуля", хотя и работать придется в три раза больше. Ну, не глупость ли это?

Нет, в самом деле это Мировой Дух ищет через нас, людей, через нашу деятельность, новые пути наверх. И к звездам, в том числе. Это он бьется в мысли "своепутистов". Потому что, зачем ему уже однажды открытый путь? Он известен; дублирование информации не увеличивает ее количества.

С ходом эволюции сложность систем (и количество информации в них) становится все больше, она не влезает в отдельное биологическое существо. Мировой Дух (МД) нашел выход – разделить мышление и деятельность между множеством существ. (и сам таким путем разделился, распределился в популяции) Возникло общество - а точнее, множество разных обществ, содержащих разные кусочки МД. Каждое из них искало свой путь наверх. И одной из глубинных заповедей, аксиомой жизни каждого кусочка было – ищи свой путь, будь собой. Пусть это даже и не легко.

В настоящий момент цивилизация (или протоцивилизация) России переживает критический период. У нас есть два пути – влиться, вползти, прицепить свой вагон к эшелону успешной западной цивилизации, или продолжать искать свой собственный путь. Причем надежду на успех я оцениваю процентов в двадцать.

Кто должен принять решение? Народ, я согласен, спрашивать бесполезно – по крайней мере, примитивным путем референдумов. Для принятия этого решения должны возникнуть сценарные мегамшины, создающие разные проекты вливания в Запад и проторения своего пути. Из этих мегамашин проекты должны расширяться на общество, захватывая новых сторонников, включая их, фактически, в состав машины. В этом процессе в машинах нарастают этажи и сети "понимателей" и трансляторов. Прорабатывается в деталях, недоступных в миллионах подробностей для малых групп мыслителей, проекты будущего. Таким образом, на самом деле, спрашивают народ. Помимо теории, мегамшины в ходе развития непременно займутся реальной деятельностью – и в этой деятельности будет уже видно, у кого "лучше получается".

В конце концов, останется две большие машины – своепутистов и западников.

И тогда будет видно, (если не получится 50/50), чего на самом деле хочет народ.

Я думаю, эти мегамшины уже строятся на наших глазах – это сайты и сообщества в русском Интернете. Нам нужно только научиться организации мышления этих сообществ и, от организации мышления, действию сообществ в окружающей социальной среде – в том числе, политической и экономической.

Идеальные структуры (в том числе сценарии) должны в конечном счете формировать материю – иначе они не имеют *смысла*, ведь смысл – это соответствие идей субъективных и объективных, которое возникает как в движении от мира к сознанию, так и обратно – от сознания к миру.